Званый ужин в английском стиле

Автор:
Валерия Вербинина

Званый ужин в английском стиле

Валерия Вербинина

Амалия – секретный агент императора #10

Говорят, хиромантия – наука, позволяющая прочесть по руке многое, иногда даже слишком многое… Что и подвело знаменитого итальянского хироманта Беренделли, приглашенного на званый ужин семьей Верховских. Посмотрев ладони присутствующих, он объявил, что среди них находится убийца, безжалостный и хладнокровный. Сообщение вызвало переполох у гостей, ведь все они – приличные, уважаемые люди! Но маэстро не ошибся, потому что еще до окончания вечера сам он погиб при совершенно загадочных обстоятельствах. И теперь у баронессы Амалии Корф, которая по воле случая оказалась у Верховских, есть лишь несколько часов, чтобы установить личность убийцы…

Валерия Вербинина

Званый ужин в английском стиле

Глава 1

Суббота, пятый час вечера

Анна Владимировна волновалась. Для этого не было решительно никаких оснований, но, тем не менее, она не могла избавиться от чувства беспокойства, и

чем ближе время подходило к семи часам, тем сильнее становилась ее тревога. Казалось бы, до сих пор все шло прекрасно. Петербургский повар с рекомендациями от самого князя Голицына расстарался на славу, цветы для вечера были выписаны чуть ли не из самой Ниццы, а вина доставлены из французского магазина, нисколько не уступающего московскому, который содержал знаменитый Депре. Вина, между прочим, влетели им в копеечку, и даже сын Митенька, увидев присланный из магазина счет, малость оробел и заморгал глазами. Конечно, семье пора привыкать к новой жизни, ведь Павел Петрович теперь статский советник, и жалованье ему положено в две тысячи рублей в год; мало того, служить он будет теперь не в захолустной Москве, а в блестящей столице, куда семья Верховских перебралась всего несколько дней тому назад.

Анна Владимировна удовлетворенно вздохнула. Так-то оно так, только вот петербургские магазины эти – сущее разорение, и сразу даже и не разобрать, где деньги берут за дело, а где так, только зря цену вздувают, бесстыжие. Вывески все одна красочнее другой, а что за ними кроется – с непривычки и невдомек московскому провинциалу, который почти не бывал в столице прежде. Хорошо хоть Евдокия Сергеевна, супруга Павлушиного начальника, который вместе с подчиненным перебрался на службу в Петербург, помогла на первых порах обустроиться и объяснила, что к чему.

В Москве все проще, думала Анна Владимировна, поправляя вазу. И извозчики не такие лихие, как здесь, и городовые помягче, подушевнее, не то что в столице, где каждый из них полковником глядит и так грозно шевелит усами, что боишься и обратиться лишний раз. Все хорошие магазины в Москве наперечет, там даже и голову ломать не надо: хочешь булочек – ступай себе к Филиппову на Тверскую, надо мужу новую шляпу – пожалуйте к Вандрагу на Петровку. А в Петербурге… Анна Владимировна зажмурилась от сладкого ужаса, вспоминая, во сколько обошлось ей новое платье, шитое у знаменитой портнихи. Евдокия Сергеевна ей по секрету шепнула, что портниха не простая, обшивает даже кое-кого из членов августейшей фамилии. Не самых, положим, высоких членов, потому что тогда бы ее услуги обошлись вдвое дороже, но все же… все же… При одной мысли о том, что она одевается у той же портнихи, что и родственники Его императорского величества, в груди у Анны Владимировны приятно потеплело. Нет, все-таки ничто не может сравниться с жизнью в северной столице, и хорошо, что Павлушу наконец сюда перевели. Привыкнут они и к дорогим магазинам, и к бешеным извозчикам. Митенька наконец образумится, поступит в университет. Одним словом, все будет – лучше не придумаешь. Именно так, как и должно быть.

Вошла горничная Глаша, которую Верховские привезли с собой из Москвы, – веснушчатая застенчивая девушка, маленькая и отчаянно некрасивая. Конечно, ведь Анна Владимировна понимала, что для спокойствия семьи горничные должны быть ловкие и как можно менее привлекательные, дабы у хозяина не возникало излишних соблазнов. Что касается лакеев, то Павел Петрович волен нанимать любых, лишь бы не воровали ложки и вели себя прилично. Анна Владимировна очень уважала приличия, и теперь, в этот прекрасный осенний вечер, ее не на шутку терзала мысль, что в столице ее могут счесть не comme il faut[1 - Comme il faut (франц.) – здесь: приличные люди, полностью соответствующие требованиям общества.], слишком провинциальной для того, чтобы занять достойное место в обществе. Впрочем, на сей случай она своевременно озаботилась принять свои меры. Сегодня будет первый званый вечер, который она устраивает в Петербурге в качестве супруги статского советника Верховского, и, разумеется, она сделает все для того, чтобы он удался.

– В чем дело, Глаша? – спросила Анна Владимировна.

Оказалось, что кудесник-повар с презрением отверг купленную для вечера телятину и требует другой, более свежей. Что же до той, которую приобрели Анна Владимировна с кухаркой Дарьей, то господин повар придерживается такого мнения: ее вполне можно скормить коту Ваське. Глаша, волнуясь, закончила рассказ и робко покосилась на хозяйку. Щеки Анны Владимировны порозовели: она отлично помнила, что самым бессовестным образом сэкономила на телятине, но ей было неприятно, что ее уличили.

– Право же, я не понимаю, чего он от нас хочет, – беспомощно проговорила Анна Владимировна. Затем, немного подумав, поинтересовалась: – А нельзя ли телятину чем-нибудь заменить?

Глаша пообещала, что спросит у господина повара, и скрылась за дверью. Анна Владимировна сокрушенно поглядела горничной вслед. Просто возмутительно, до чего эти молодые повара горазды драть деньги. Телятина, видите ли, ему не понравилась! Анна Владимировна покачала головой и, заметив у румяной розы увядший лепесток, сердито оторвала его. Однако тотчас же лицо ее обрело привычное терпеливо-покорное выражение – послышались знакомые шаги, и в гостиную вошел Павел Петрович, по-домашнему одетый в наиновейший шлафрок пунцового цвета. В руках статский советник держал слегка смятую

газету.

– Павлуша! – с укором промолвила Анна Владимировна. – В каком ты виде!

– Так ведь рано еще, – улыбаясь, отвечал советник. – И потом, матушка, ты не знаешь здешних петербургских обычаев. Раз назначено в семь, значит, жди к восьми.

Он весь лучился довольством. Но не тем спесивым довольством, которое обыкновенно выводит из себя окружающих, а каким-то очень естественным, симпатичным, проистекающим из неизменно хорошего настроения и миролюбивого, ровного характера. Весь его облик словно говорил: «Жизнь хороша, и жить чертовски хорошо». Сам Павел Петрович был маленький, кругленький, с пушистыми седоватыми усами и намечающейся на макушке плешью. Он любил кошек и обладал редким даром с первого взгляда внушать детям к себе доверие. Анна Владимировна поглядела на мужа и улыбнулась.

– Ты бы переоделся все же, Павлуша, – попросила она мягко.

Почтенный статский советник в ответ лишь сморщил нос, как мальчишка, и, не отвечая, повалился на диван, где вновь стал просматривать газету.

– Что-нибудь интересное? – спросила Анна Владимировна. Она не увлекалась политикой и ничего в ней не смыслила, но раз они теперь живут в столице, надо быть в курсе происходящего.

– Ничего, представь себе, – все с той же добродушной улыбкой отвечал муж. – Германия опять грозит войной, но Австрия вроде бы колеблется. В российском воздухоплавательном обществе испытывали новый воздушный шар, но неудачно. – Он перевернул страницу. – Граф Толстой, кажется, пишет новую книгу. А в остальном все то же, что и обычно. – Он зевнул, прикрывая газетой рот.

«Надо будет сказать ему, чтобы он не зевал в обществе», – мелькнуло в голове у Анны Владимировны. Она села напротив мужа и сложила руки на коленях.

– Павлуша… – несмело начала женщина.

– Что, ангел мой?

– Меня беспокоят вина. – Анна Владимировна умоляюще поглядела на него. – Ну зачем было столько заказывать, скажи на милость? Шабли, шато д’икем… ликеры разные…

Павел Петрович хитро прищурился.

– А ты бы хотела обойтись одним ланинским шампанским?[2 - Н.П. Ланин был редактором «Русского курьера». Помимо того, он владел заводом, который производил фруктовые воды, а также недорогое шампанское.] Или, может, надо было заказать кахетинское братьев Елисеевых?[3 - В 80-е годы XIX века это вино считалось эталоном, но – эталоном крайне низкого качества.] – Он пренебрежительно повел своими полными плечами. – Пфф! Еще чего не хватало, в самом деле!

– Но ведь гости вряд ли все выпьют, – умоляюще проговорила Анна Владимировна. – Если что-то останется, мы ведь сможем вернуть ненужное в магазин, правда?

Она смотрела на него, и в ее бледно-голубых глазах застыла такая мольба, что Павел Петрович не нашелся, что ответить. Нет слов, его супруга – добрейшая из женщин, образцовая хозяйка, хлопотливая, внимательная, набожная и к тому же прекрасная мать, но есть все же вещи, которые она упорно понимать не желает. Это в Москве можно вернуть товар, если лавочник вам хорошо знаком, а вот в столице. В столице, если вы начнете позволять себе такие фертикулясы, вас навечно запишут в невежи и медведи. Павлу Петровичу вовсе не улыбалась мысль прослыть медведем, но он прекрасно знал: ежели жене что втемяшится в голову, ее не переубедить. Поэтому он только недовольно покрутил головой и, буркнув: «Делай что хочешь», стал читать списки приезжающих в Петербург.

Вернулась Глаша, и успокоенная Анна Владимировна вполголоса отдала ей приказание: несколько бутылок – самых дорогих – припрятать, а за телятиной кого-нибудь послать, чтобы повар потом не бурчал, что у Верховских-де никакого понятия о приличиях и вообще сплошное моветонство. Глаша присела в книксене и удалилась, а Анна Владимировна оглядела гостиную, чтобы убедиться, все ли сделано как надо. В этот особняк они въехали совсем недавно, но с мебелью им определенно повезло. Она ничуть не бросалась в глаза и чем-то

неуловимо походила на хозяйку дома – такую же неприметную и вместе с тем незаменимую.

– Иван Андреевич точно будет? – спросила Анна Владимировна.

– Обещал, – лаконично ответил ее супруг.

Иван Андреевич Лакунин был его начальник по ведомству, вместе с которым они и перебрались в Петербург.

– И Владимир Сергеевич обещался быть, – добавила Анна Владимировна. – Вместе с братом.

Владимир Сергеевич Городецкий был когда-то сослуживцем Павла Петровича. Несколько лет назад он вышел в отставку и перебрался в столицу, где дела его по всем признакам пошли в гору. Сейчас он, насколько было известно Верховским, помогал вести дела своему брату Константину, известному адвокату.

– Жаль, Наталья Петровна сказала, что не может принять наше приглашение, – вздохнула Анна Владимировна.

Статский советник поморщился: Наталья Петровна была его родной сестрой, и уж она-то, во всяком случае, могла оказать им честь своим посещением.

– Зато мы увидим Вареньку и ее жениха. Давненько мы ее не видели! – добавила супруга.

– Угу-м, – промычал Павел Петрович.

– Ты знаешь, кто ее жених? – с любопытством спросила Анна Владимировна. Сама она долгое время надеялась, что племянница Варенька выйдет замуж за их Митю, но отец Вареньки, суровый генерал Мезенцев, высказался категорически против брака между близкими родственниками, за что Анна Владимировна его сильно невзлюбила. – Кажется, он военный?

Павел Петрович метнул на нее хмурый взгляд.

– Я знаю только, что он служит при дворе, – сказал он. – Натали не сообщала мне подробностей.

«При дворе, скажите пожалуйста! – мелькнуло в голове у Анны Владимировны. – Уж не лакеем ли?» Однако она согнала с лица скептическое выражение и улыбнулась.

– Все-таки хорошо, что нам удалось заполучить на вечер этого итальянца, – заметила она. – Правда, долго пришлось его уламывать, но…

Павел Петрович вздохнул и спросил довольно равнодушно:

– Ты о хироманте?

По правде говоря, за последние дни жена говорила ему об особом госте много раз, и статский советник уже начал жалеть, что они вообще устраивают этот вечер.

– Конечно, о нем, – несколько обиженно отозвалась Анна Владимировна. – А о ком же еще?

Поскольку в Петербурге у Верховских было все-таки еще слишком мало знакомств, а одними родственниками в таком случае не обойтись, Анне Владимировне пришла в голову гениальная мысль – пригласить на вечер знаменитого хироманта Пьерлуиджи Беренделли, которого они знали еще по Ментоне. Летом Павел Петрович лечился там от камней в почках, тогда супруги Верховские и познакомились с итальянцем, чья дочь тоже находилась на курорте. Осенью Беренделли возобновил гастроли по Европе, во время которых он неизменно поражал публику своими знаниями – предсказывал судьбу по руке и читал прошлое и будущее с такой легкостью, словно они были открытая книга. Сейчас хиромант находился в Петербурге и вскоре собирался уехать в Париж, так что Анне Владимировне пришлось приложить нешуточные усилия для того, чтобы заполучить к себе знаменитого итальянца. Заручившись его согласием, Анна Владимировна вздохнула свободнее: теперь она была уверена, что ее вечер ждет неминуемый успех. Даже эксцентричная графиня Толстая и та напросилась через Павлушиного начальника к ним в гости, чтобы поглядеть на хироманта. И Городецкие, что ни говори, сначала отнекивались от приглашения,

пока не узнали, кого встретят у Верховских. В глубине души Анна Владимировна ликовала.

– Только я не уверена, как надо их рассаживать, – пожаловалась она мужу. – Беренделли будет вместе с дочерью, и он, конечно, знаменитость. Но твой начальник… И, конечно, графиня Толстая…

– Гм, – рассеянно молвил на это Павел Петрович. – Кстати, баронесса Корф вернулась в Петербург из продолжительной заграничной поездки.

Анна Владимировна решила, что ослышалась.

– Баронесса Корф? – удивленно спросила она.

– Мы встречали ее в Ментоне, – напомнил статский советник. – Разве ты забыла?

Анна Владимировна ничего не забыла, а в особенности те взгляды, какие добрейший Павел Петрович бросал летом на очаровательную белокурую баронессу. Мадам Верховской смутно вспомнилось, что у госпожи Корф были не в порядке легкие. Также она помнила, что баронесса приехала в Ментону не одна, а с двоюродным братом, который говорил преимущественно по-английски и походил на нее как две капли воды. Впрочем, от проницательной Анны Владимировны не ускользнуло, что молодой человек вел себя очень предупредительно по отношению к кузине, – по правде говоря, даже чересчур предупредительно для обычного родственника. У статской советницы осталось впечатление, что этих двоих связывает какая-то тайна, и какого именно порядка тайна, она даже не сомневалась. Конечно же, речь шла об обыкновенном романе! Но Анна Владимировна считала себя выше сплетен и не стала ставить легкомысленной госпоже Корф на вид ее безрассудное поведение. В конце концов, пока кузен находился при ней, мадам Верховская могла не опасаться за своего супруга.

– В Ментоне было так много людей, – вздохнула Анна Владимировна. Павел Петрович недоверчиво покосился на нее, и потому она быстро добавила: – Но баронессу Корф я помню. Послушай, Павлуша…

– Что?

– А тот доктор, который тебя лечил… Венедикт Людовикович… – Анна Владимировна замялась. – Мне только сейчас в голову пришло… Зря мы, наверное, его пригласили.

– Почему? – очень сухо спросил Павел Петрович. По натуре он вовсе не был снобом, и то, что жена пыталась проявлять неуместную разборчивость, его невольно коробило.

– Но посуди сам: графиня Толстая, адвокат Городецкий и… и… – Анна Владимировна не смогла закончить фразу и только беспомощно развела руками.

Однако Павел Петрович был на редкость твердолоб.

– Не могу понять, отчего это тебя так волнует, – заявил он, пожав плечами. – Уверяю тебя, доктор вхож во многие приличные дома. И в конце концов, чем он хуже твоего хироманта?

Анна Владимировна тихо вздохнула. Боже, и отчего мужчины так упрямы? Конечно, Венедикт Людовикович – почти друг их семьи, и Павлуша ему многим обязан, но вот будет ли его присутствие уместно на их вечере? В конце концов, не стали же они приглашать, к примеру, портного Павла Петровича. А хиромант Беренделли – совершенно особая статья. Он знаменитость такого калибра, которую за честь сочтут принять где угодно, и не надо равнять его с французом-доктором, который вечно курит так неопрятно, что у него все манжеты обсыпаны пеплом. Да!

Вошел Трофим, лакей Верховских (он тоже, как и Глаша, приехал вместе с хозяевами из Москвы), и протянул статскому советнику узкий голубой конверт.

– От господина итальянца, – доложил Трофим, почтительно прокашлявшись. – Только что доставлен.

Павел Петрович открыл конверт и нахмурился.

– Что там? – с замиранием сердца спросила Анна Владимировна.

Ее муж поморщился, не отрывая взгляда от письма, его губы шевелились. Анна Владимировна почувствовала, как сердце опускается у нее в груди все ниже и ниже. Обманул бесстыжий итальянец, как пить дать, обманул! Посулил прийти, а теперь не явится!

– Пропал вечер, пропал! – принялся излагать содержание послания статский советник. – Синьор Беренделли извиняется и пишет, что его дочь Антуанетта чувствует себя неважно и поэтому не сможет к нам приехать. Но сам он обещает быть, как мы и условились.

Анна Владимировна с облегчением выдохнула и откинулась на спинку кресла.

– Можешь идти, – сказал Павел Петрович Трофиму и бросил письмо на столик возле дивана.

– Надо будет сказать повару, чтобы он готовил на одну персону меньше, – с облегчением сообразила его жена. – Значит, сколько всего человек будет за столом?

Павел Петрович наморщил лоб.

– Ты, я и Митя – уже трое, – сказал он.

– Варенька и ее жених – пять, – подхватила Анна Владимировна.

– Иван Андреевич с женой – семь… Беренделли – восемь…

– Графиня Толстая – девять.

– Она сказала, что будет со спутником, – напомнил статский советник.

– С тем композитором, Преображенским? – с любопытством спросила Анна Владимировна.

– Кажется, да.

– Значит, композитор – десятый.

– Владимир Сергеевич и его брат-адвокат – двенадцать. Кого мы забыли?

– Кажется, никого… Нет, погоди. Доктора мы не считали?

– Нет.

– Значит, всего за столом будет тринадцать человек, – подытожила Анна Владимировна. В следующее мгновение ее лицо исказилось ужасом. – Тринадцать? Боже мой! Ну конечно, если Антуанетты не будет… – Она была готова расплакаться. – До чего же необязательные люди эти итальянцы!

– И что из того, что тринадцать? – спросил Павел Петрович. Однако по его лицу было заметно, что он и сам сконфужен.

– Павлуша, разве ты не понимаешь? – вскинулась Анна Владимировна. – Тринадцать! Очень, очень плохо! Просто никуда не годится! Нам надо что-то предпринять, я не желаю, чтобы на моем вечере было тринадцать человек. Такая дурная примета!

Павел Петрович несколько мгновений раздумывал.

– Не торопись, ангел мой, – сказал он наконец. – Кажется, я знаю, как ее обойти.

Глава 2

Неожиданное приглашение

Молодая блондинка с карими глазами, одетая в платье модного цвета mauve[4 - Сиреневый (франц.).], поднялась в свой номер петербургской гостиницы и стала снимать шляпку, когда из-за стены внезапно донесся выстрел.

Следует признать, что молодая особа повела себя на редкость странно. Она не стала визжать, звать на помощь и падать в обморок, как, без сомнений, сделала бы на ее месте любая уважающая себя представительница слабого пола. Более того, блондинка вообще ничуть не удивилась происходящему. Она лишь разгладила ленты шляпки, вздохнула, направилась к двери и через минуту уже входила в соседний номер, где на кровати лежал молодой человек, на детском лице коего застыло выражение непосредственности. Держа в руке увесистый американский револьвер, он целил в стену напротив, где была прикреплена десятка «пик». Внимательный наблюдатель, если бы таковой оказался поблизости, не преминул бы заметить, что четыре значка пик были пробиты пулями.

– Билли, – с легким неодобрением в голосе сказала дама, – кажется, я просила тебя больше не стрелять в гостинице. Это же ни на что не похоже!

Лежащий на кровати шмыгнул носом, покосился на говорящую и со вздохом поднялся. Волосы у него были растрепаны, и он пригладил их свободной рукой.

– Мне хотелось немножко попрактиковаться, – пояснил он смущенно, глядя на собеседницу (кстати, заметим: разговор шел по-английски). – По-моему, я теряю былую сноровку.

Дама в сиреневом поглядела на карту и выразительно вздернула тонкие черные брови.

– Что-то непохоже, – усомнилась она.

– А я говорю, теряю, – вздохнул Билли. – Раньше я стрелял куда лучше. Два промаха из шести, куда такое годится?

И он застенчиво покосился из-под пшеничной челки на даму в сиреневом, которая, слушая его, только качала головой.

– Ты так и не изменился, – сказала она. По ее тону нельзя было понять, радовало ее сие или, напротив, огорчало. – Куда ты хочешь пойти сегодня?

Билли пожал плечами и стал перезаряжать револьвер.

– Мне все равно, – признался он. – Правда-правда!

– И все-таки, куда? – настаивала дама. – В театр? Сегодня дают несколько хороших пьес. Можно прокатиться в оперу, если хочешь, или посмотреть картины в императорской галерее. Хотя я не уверена, что сейчас она открыта.

Билли шмыгнул носом и спрятал револьвер.

– В картинах я ничего не понимаю, – отозвался он. – А в опере все старые.

– Кто старые? – строго спросила дама. Но карие глаза ее смеялись, от чего в них вспыхивали золотые искорки. Билли поглядел на них и смешался.

– Да актеры, – горестно ответил он. – Певица изображает, что ей двадцать лет, а на самом деле у нее наверняка уже внуки есть. А партнер-то ее куда смотрит? Не видит, что ли, кто перед ним?

К его удивлению, собеседница звонко расхохоталась.

– Никак на тебя не угодишь! – воскликнула она, отсмеявшись. – Ну а театр чем тебе не нравится?

Билли задумчиво почесал нос и проворчал, исподлобья глядя на даму в сиреневом:

– Я не говорил, что он мне не нравится.

– Так в чем же дело?

– Ни в чем, – вздохнул Билли. – Можно сходить в театр, я не против.

Вообще-то он был готов идти куда угодно, лишь бы быть рядом с дамой в сиреневом, о чем та отлично знала. Лицо блондинки смягчилось.

– Значит, отправимся в театр, – подытожила она. – На какую-нибудь смешную пьесу, да?

Она улыбнулась, и Билли почувствовал, что тает от ее улыбки, как леденец… И в то же мгновение раздался стук в дверь.

– Войдите! – слегка повысила голос блондинка, перейдя на русский.

На пороге показалась горничная и, стараясь не смотреть на простреленную карту на стене, объявила, что для баронессы Корф есть письмо. Молодая женщина нахмурилась.

– От кого? – довольно сухо спросила она.

– От статского советника Верховского.

– Не знаю такого, – отрезала дама в сиреневом.

Горничная замялась, затем пояснила:

– Посыльный сказал, вы встречались с семьей господина советника в Ментоне.

– А! – Лоб баронессы разгладился. – В самом деле, теперь я вспомнила. Кажется, мы жили в одной гостинице. И чего же он хочет?

Горничная подала ей маленький запечатанный конверт, на котором изящнейшим почерком со множеством завитушек значилось, что он предназначается госпоже баронессе Амалии Константиновне Корф и никому более. Молодая женщина вскрыла письмо и углубилась в чтение.

– Что-нибудь интересное? – спросил Билли.

Амалия пожала плечами.

– Нас приглашают в гости, – сказала она.

– Кто? – Билли, казалось, заинтересовался.

– Статский советник Павел Петрович Верховский и его супруга. Они устраивают soiree fixe[5 - Званый вечер (франц.).] и мечтают видеть нас среди гостей. Будут присутствовать также графиня Толстая, адвокат Городецкий и знаменитый хиромант Пьерлуиджи Беренделли. – При произнесении последнего имени в тоне белокурой дамы сквозила самая непочтительная ирония. Судя по всему, она не слишком верила в хиромантию.

– Адвокат? – недоверчиво спросил Билли.

– Да. А что? Неужели ты о нем слышал?

– Нет, – честно ответил Билли. – И вообще, я знал только одного адвоката. Да и фамилия у него была совсем другая.

Амалия улыбнулась.

– Госпожа баронесса, посыльный ждет ответа, – напомнила горничная.

Но Амалия не торопилась.

– Да-да, теперь я вспомнила Верховских, – задумчиво произнесла она, погружаясь в свои мысли.

Простая московская семья, только муж был тогда не статским советником, а числился рангом ниже. Добродушный человек с круглым брюшком, вокруг которого все время вертелись кошки. Он их гладил и даже подкармливал со своего стола. Между прочим, за все время своего пребывания в Ментоне мужчина даже не полюбопытствовал заглянуть в соседнее Монако, где его соотечественники оставляли баснословные суммы, и такое его поведение невольно внушало уважение. Жена его, как теперь вспомнила Амалия, показывала ей фотографическую карточку их сына – кажется, его звали Дмитрием. Довольно блеклая женщина, и одевалась она всегда в неброские, однотонные платья самого безыскусного фасона. В ее мясистом лице было что-то овечье, но однажды Амалии довелось услышать, как дама распекает официанта, осмелившегося подать ее мужу слишком холодное питье, – даже голос ее изменился тогда, став металлическим, а в лице и подавно не осталось ничего покорного – оно выражало одну злую, непреклонную решимость. Амалию, которая вообще считала, что все люди состоят из контрастов, немало

позабавила подобная перемена. И все же, хотя баронесса ничуть не была снобом, она сознавала, что между ней и Верховскими очень мало общего и пребывание на популярном курорте вовсе не сглаживает разницы. В сущности, Амалия вообще слишком отличалась от остальных людей, чтобы считать кого бы то ни было из них ровней себе. Прежде она вела жизнь, насыщенную самыми разнообразными приключениями, хоть и делала это не вполне по своей воле. Потом были болезнь, трудное выздоровление, санатории, возвращение в Петербург… Заболевание туберкулезом было этаким дамокловым мечом, который постоянно висел над ее семьей, от него умерли отец и родной брат Амалии, но она осталась жива. Баронесса была почти уверена, что в Петербурге мало кто заметил ее отсутствие, кроме самых близких, самых дорогих людей, но, как оказалось, была не права. Амалия вспомнила человека, который приходил к ней вчера, и поморщилась…

– А хиромант – это тот, кто будущее предсказывает? – спросил, перебив ее мысли, Билли.

– Да, по линиям руки, – отозвалась Амалия.

– Ух ты!

Тон молодого человека заставил молодую женщину улыбнуться. Она вновь прочитала письмо и вздохнула.

– Графиня Толстая… Будем надеяться, что не та Толстая, о которой все говорят.

– А та, о которой все говорят, она кто? – заинтересовался Билли.

– Весьма заурядная, но скандальная особа, которой нравится изображать из себя femme fatale[6 - Роковая женщина (франц.).], – фыркнула баронесса. – Даже ее собственная семья не поддерживает с ней отношений. Но она получила недавно наследство от деда, который в ней души не чаял, так что мнение родных ей в высшей степени безразлично. Она живет в основном за границей, раз в полгода переходит в новую веру и меняет любовников как перчатки. Сама себя считает меценаткой и покровительницей искусства, но ради блага искусства я надеюсь, что она все же ошибается.

– О, – только и выдохнул Билли. – А, случаем, не та Толстая, из-за которой художник застрелился?

– Она самая, – подтвердила Амалия. – Но я не думаю, что у Верховских окажется именно она. Все-таки они не ее круга люди. Так что ты скажешь, Билли?

– О чем?

– Если хочешь, можем пойти в театр. А нет, так отправимся в гости к Верховским. Все равно на сегодня у нас нет больше никаких дел.

Билли немного подумал.

– В театре смешная пьеса? – деловито осведомился он.

– Не знаю, – рассеянно отозвалась баронесса. – Но всегда можно выбрать.

Билли вздохнул. В то мгновение он больше всего походил на непоседливого школьника, прочно застрявшего в старших классах. Впрочем, впечатление определенно было обманчивым, потому что на самом деле возраст невысокого блондина с детским выражением лица приближался уже к тридцати годам.

– Я вот о чем подумал, – сказал он. – Пьеса будет и завтра, и послезавтра, и когда угодно. И вообще, неловко обижать людей, если они нас пригласили.

Амалия улыбнулась.

– Одним словом, ты выбрал хироманта, – поддразнила она своего друга. – Хорошо, будь по-твоему. – Баронесса повернулась к горничной: – Передайте посыльному, что мы с моим кузеном сердечно благодарим Павла Петровича и принимаем его приглашение.

Билли потупился. Ему очень нравилось, когда Амалия называла его кузеном, хотя они ни в коей мере не являлись родственниками. Впрочем, люди повсюду и так принимали их за брата и сестру, потому что молодой человек и блондинка заметно походили друг на друга. Только Амалия выглядела более утонченно и держалась как настоящая светская дама, а Билли явно пренебрегал светскими

манерами. Они определенно получили воспитание в разных кругах, но если бы кто-нибудь осмелился при Амалии сказать что-либо дурное о ее «родственнике», ему бы не поздоровилось. О том, что бы произошло с человеком, который вздумал бы задеть Амалию, лучше вообще не говорить. Несмотря на два промаха из шести, стрелял Билли чертовски метко.

Глава 3

Первые гости

– Иван Андреевич, голубчик, как я рад вас видеть! Евдокия Сергеевна, дорогая! Счастлив приветствовать вас под сим скромным кровом! – И статский советник Верховский закружился колобком вокруг дорогих гостей, улыбаясь, кланяясь, пожимая руку начальнику, рыжеватому господину лет сорока, и уже через мгновение целуя руку его жене, высокой сухопарой даме с вечно недовольным, кислым лицом. – Аннушка, Митя, к нам пришли!

Анна Владимировна сияла, Павел Петрович сиял, гости расточали улыбки, и только Митенька Верховский, единственный сын статского советника, чувствовал себя не в своей тарелке. Новый костюм, который маменька озаботилась пошить у хорошего, однако же не слишком дорого берущего за свою работу портного, жал немилосердно, очки то и дело норовили съехать на кончик носа, а когда Митенька сделал попытку по примеру папеньки поцеловать сухую руку Лакуниной, и вовсе чуть не свалились с позором на пол.

Юноша распрямился, красный, как вареный рак, мысли его заметались. Зачем, ну зачем маменька затеяла этот никчемный вечер? И добро бы пригласили каких-нибудь умных, мыслительных людей, с которыми и поговорить приятно, и есть что обсудить – к примеру, социальную справедливость или теорию немца Маркса. Так нет же! Изволь теперь выслушивать всякий вздор, который будет с умным видом изрекать усатый рыжий олух Иван Андреевич, или отвечать на любезности Евдокии Сергеевны, которая вечно цедит слова сквозь зубы, словно оказывает собеседнику невесть какую милость. Она и прежде была не слишком приятна в общении, а как ее почтенный супруг загремел в тайные советники[7 - Тайный советник – чин 3-го класса, соответствовал генерал-лейтенанту в армии; статский советник – чин 5-го класса.], так и вовсе сделалась невыносима. Как же

они оба смешны, с их дутым высокомерием и вымученной сердечностью! Ни единого искреннего слова, все какие-то нелепости вроде:

– Ну, как поживаете, Митенька?

– Благодарю вас, Евдокия Сергеевна, – едва слышно отвечал юноша, – хорошо.

– Учитесь?

– Он собирается в университет поступать, – вмешался Павел Петрович, – в следующем году.

– О, хорошо. Просто замечательно, – покровительственно одобрил Иван Андреевич. – По какому отделению намерены учиться, молодой человек?

Митенька, чье терпение истощилось, хотел было весьма неучтиво брякнуть: «Ни по какому», но его опередил отец:

– По юридическому, я думаю. Впрочем, мы сначала посоветуемся с Константином Сергеевичем, он обещался быть у нас сегодня. Сами знаете, сегодня даже университетам нельзя доверять. Всюду сплошное свободомыслие и непочитание старших.

Митенька надулся. Евдокия Сергеевна посмотрела на него и отвела глаза. Совершенно непонятно, о чем думал ее супруг, Иван Андреевич, принимая приглашение ехать в гости, когда собственный дом до конца не устроен, – воля ваша, но это верх неразумия. А ведь она предлагала отказаться вежливо, мол, заняты, не сможем нанести визит, но Иван Андреевич настоял. Нехорошо-де обижать Павла Петровича, такой душевный человек, почти двадцать лет знакомы, можно сказать, дружим домами, а нынче дружба – ой какое редкое явление, и друзей ну никак нельзя терять. «Тоже мне, дружба!» – мысленно усмехнулась Евдокия Сергеевна. Просто Иван Андреевич помешан на охоте, а Павел Петрович, хитрец, давно прознал об его пристрастии и тоже охотником знатным прикидывается. Просто используют Ивана Андреевича, доброту его зная, все, кому не лень! Ничего, уж в столице она позаботится, чтобы вокруг него нахлебники не вертелись. Никаких бедных родственников и денег в долг, никаких «приехать и пожить маленько»! И протекций никому не давать! Вон и Анна Владимировна небось, когда ее Митенька в очередной раз провалится на

вступительных экзаменах в университет, явится к ним просить о помощи… Евдокия Сергеевна неприязненно покосилась на юношу. Тощий, длинный, как ни причесывается, голова вечно лохматая, то и дело поправляет очки – недоросль, право слово, чистый недоросль, а ведь ему уже двадцать скоро. Только и делает, что книжки какие-то дурацкие читает, и физиономия предерзкая. (Митенька, кстати, в тот самый момент, с мученическим видом стоя неподалеку от нее, мечтал о том, как после постылого званого вечера удерет к себе читать очередной том Бокля.) Вырастила нигилиста Анна Владимировна, ничего не скажешь! Такой и бомбу кинуть может, и зарезать, с него станется.

Но тут супруге тайного советника пришлось отвлечься от дурных мыслей, потому что Павел Петрович повел дорогих гостей осматривать дом.

– Прошу, Евдокия Сергеевна, только после вас! Вот-с, здесь большая гостиная, не угодно ли. – Он гордо указал на рояль, на диваны, обитые неопределенного цвета материей, на столики, где стояли вазы с цветами.

Ай-ай-ай, подумала Евдокия Сергеевна, а на цветы-то денег пожалели, видно, что подвялые. Все Аннушка с ее экономией. Небось в «Ниццкой флоре» заказала за полцены розы, которые возвращают после гулянок из некоторых ресторанов. И мебель, прямо скажем, подкачала. Столики в одном стиле, диваны в другом, стулья в третьем.

Тайная советница поймала на себе взгляд Анны Владимировны, ищущий одобрения, и широко улыбнулась. Все ее плохое настроение как рукой сняло.

Павел Петрович повел гостей в столовую, в бильярдную, в курительную комнату. Гости хвалили, Анна Владимировна сияла, Митенька тосковал.

– Что у нас тут? – сам себя спросил Павел Петрович и сам же себе ответил: – Ах да, малая гостиная. – Они вошли в комнату, где стояла мебель под старину с множеством завитушек, а на стенах висели ружья и кинжалы в затейливых ножнах. – Мы ее обставили во французском духе, – пояснил Павел Петрович, глядя на гостей влажными, сияющими глазами.

«Обстановка во французском духе именуется «веселый дом», – помыслила про себя Евдокия Сергеевна кисло и стала обмахиваться веером. Но ее мужа французская комната заинтересовала чрезвычайно, особенно ружья на стенах.

Павел Петрович, польщенный интересом начальника, показал ему все ружья и дал о каждом краткие сведения.

– Это охотничье ружьецо. Помните, прошлым летом мы с вами знатно на фазанов поохотились… – Он снял со стены очередное ружье. – Двустволка марсельская, фабрика «Лепелье и компания», – гордо объявил он. – Только позавчера приобрел по случаю…

Знаем мы твоего Лепелье, мелькнуло в голове у Евдокии Сергеевны. Небось тульский оружейник Чучелкин его делал, и никакой Марсель там и близко не валялся.

Однако Иван Андреевич ружье похвалил и, мало того что похвалил – в руках подержал, даже в окно прицелился. Свежеиспеченный тайный советник обожал огнестрельное оружие и все, что с ним связано. Если бы у него был сын, он бы первым делом научил его охотиться.

А сейчас он был просто рад, что ему предстоит провести хороший вечер в приятной компании Павла Петровича, его жены и остальных гостей. Молодец все-таки Павел Петрович! И человек он хороший, и в его обществе всегда душой отдохнешь. Нет в нем меркантильного современного духа, не выжига он, не честолюбец и не завистник. И охотиться вместе с ним всегда приятно, стреляет почти без промаха, и не надо опасаться, что ненароком угодит куда-нибудь не туда, в ногу егеря, к примеру, как иные недотепы. Нет, Павел Петрович – человек с понятием, не то что некоторые. И, пожалуй, хорошо, что он, Иван Андреевич, взял своего подчиненного с собой на новое место в Петербург. Конечно, он, Иван-то Андреевич, ему кое-чем обязан. Да что там кое-чем – многим, если говорить начистоту. Но это все в прошлом, и пусть оно там и останется, ни к чему об том сейчас думать.

Верховские повели дорогих гостей осматривать остальные комнаты, в которых, впрочем, уже не было ружей и вообще, с точки зрения Ивана Андреевича, не водилось ничего примечательного. Вскоре явилась Глаша и доложила, что пришел господин доктор де Молине. Евдокия Сергеевна, услышав имя приглашенного, поджала губы. Так и есть – Анна Владимировна и ее супруг не могли пригласить кого получше. Обязательно им надо было доктора тащить в гости, словно в доме больные!

Но Иван Андреевич был рад прибытию доктора. По отзывам знакомых, он уже знал, что Венедикт Людовикович один из лучших петербургских специалистов, а жизнь наша непредсказуема – болеют не то что тайные советники, но и сам государь император от хворей отнюдь не избавлен. Поэтому знакомство с хорошим доктором никогда не может повредить.

Время меж тем плавно катилось к половине восьмого. Явились братья Городецкие, адвокат и его брат, – оба высокие плечистые брюнеты, видные, представительные, холеные – и сразу же закрутилась карусель общего разговора. Владимир Сергеевич вспоминал службу в ведомстве и поздравлял Ивана Андреевича, а также хозяина дома с повышением по службе. Константин Сергеевич, не называя имен, но тонко на них намекая, рассказывал всякие занятные случаи из своей адвокатской практики, так что даже Евдокия Сергеевна поймала себя на том, что слушает его не без удовольствия. А Митенька сутулился в углу, не принимая участия в беседе, и про себя думал о том, какими же люди могут быть глупыми и пустыми.

– Натурально, представьте, выдал ей свидетельство по всей форме, что он на ней женится, – рокотал бархатный баритон адвоката. – И неустойку в нем обозначил, да такую, что и в сто лет не выплатить.

– А потом что? – с любопытством спрашивала Анна Владимировна.

– Но она ведь актриса! – с чувством отвечал адвокат. – Да-с, актриса… Ну, словом, вы и сами понимаете. Потом, как водится, проспался наш купец, а она ему бумагу – р-раз! – Константин Сергеевич даже зажмурился от удовольствия. – А у того родители староверы, строгие…

– Ха-ха-ха! – бисерно смеялся Павел Петрович, и глазки его лоснились от удовольствия, когда он представлял себе лицо молодого купца.

– Ну, само собой, помыкался он, помыкался, да и к Вольдемару, а Вольдемар его ко мне переправил, – говорил адвокат. – Плачет, кается, бумага, говорит, по всей форме сделана. Она ему диктовала, а он писал… И копию мне показал. Знала дама, что диктовала. На самом деле, конечно, бумагу грамотный адвокат составил, не подкопаться.

– А вы что же? – замирая от сладкого ужаса, спросила Анна Владимировна.

– Я Федю, то есть купца, вызвал к себе. Говорю, давай согласие на свадьбу. Он: как же так? Меня папенька выдерет так, что лежать не смогу, не то что сидеть. И я ему объяснил план дальнейшего. Словом, он дал согласие, а потом…

– Что же? – Павел Петрович аж на месте подпрыгивал от нетерпения.

Константин Сергеевич выдержал паузу и поглядел на брата.

– Адвокат-то тот был женатый, – объяснил Владимир Сергеевич.

– А! – Иван Андреевич ничего не понял, но на всякий случай сделал вид, что понял.

– Мы его и уличили, – добавил Владимир Сергеевич.

– С актрисой? – вытаращил глаза хозяин дома.

– Конечно. У него жена богатая, так мы ему на выбор и предложили: или его жена обо всем узнает, или он сделает так, чтобы той бумаги больше не было. А если он даже предпочтет разводиться, то наше дело сторона. Мы актрису в суд вызовем и докажем, что прелюбодеяние невесты перед свадьбой – вполне достаточная причина, чтобы никакой свадьбы не было. А свидетели у нас имелись надежные.

– И что же? – снисходительно уронила Евдокия Сергеевна.

– Бумагу он, конечно, нам принес. Так вот мы и спасли купеческого сына от брака с актрисой, – объяснил Константин Сергеевич.

– Ах, какой вы! – покачала головой тайная советница, обмахиваясь веером.

Доктор-француз, куривший на диване, хрустнул пальцами.

– А потом она попыталась отравиться, – неожиданно сказал он.

– Что, простите? – удивленно обернулся к нему Владимир Сергеевич.

– Та дама, о которой вы говорили, – сухо произнес Венедикт Людовикович. По-русски он говорил почти без акцента, что было неудивительно, учитывая, что доктор провел в России не меньше десятка лет. – Купеческий сын ее оставил, адвокат тоже, а денег у нее не было. Мне пришлось ее спасать, и хорошо, что удалось.

– Вздор! – отозвался адвокат. – Никогда не поверю, чтобы она всерьез пыталась свести счеты с жизнью. Скорее всего, просто хотела разжалобить… э… своего воздыхателя.

– Или обоих, – подал голос Иван Андреевич.

Доктор угрюмо посмотрел на него и хотел сказать что-то резкое, но сдержался.

«Какой неприятный тип, – подумала Евдокия Сергеевна. – И на француза-то непохож. Те обычно любезные, а этот угрюмый, как памятник. Никогда не буду приглашать его к нам!»

Впрочем, она скоро забыла о неприятном докторе, потому что явились новые гости. Ими оказались скандальная графиня Толстая и красивый молодой человек, представившийся как Никита Преображенский, композитор. Евдокия Сергеевна, которая в Петербурге уже успела наслышаться про похождения графини, с острым любопытством всматривалась в новоприбывших. От нее не ускользнули ни преувеличенные комплименты, которыми встретили гостью братья Городецкие, ни искренняя любезность хозяина дома Павла Петровича. Интересно, подумала мадам, он действительно так наивен или просто глуп, как пробка? Относительно его жены Евдокия Сергеевна уже давно решила, что та откровенно глупа.

На вид графине Толстой около тридцати лет. В свете она слыла роковой красавицей, и, судя по всему, не зря. У нее было тонкое надменное лицо, маленькие ноздри и ослепительно белые плечи. В каштановых взбитых кудрях сверкала маленькая бриллиантовая диадема. Евдокия Сергеевна знала, что в юности графиню выдали за человека, который по возрасту годился ей не то что в отцы, но даже в деды. Юная супруга очень быстро его возненавидела, следствием чего стало то, что она стала вести самый предосудительный образ жизни. Как говорили, жена сделала все, чтобы свести мужа в могилу, но до самой своей смерти старик не давал строптивице развода. Овдовев, графиня не

изменила своим привычкам, да, возможно, уже и не могла, потому что хорошее общество давно закрыло перед ней двери. У нее было несколько громких – и не очень – романов с людьми искусства, и то, что ее спутник оказался композитором, никого не удивило. Удивить могло разве то обстоятельство, что никто никогда не слышал его музыкальных произведений и не знал о них, что, однако, не помешало Павлу Петровичу принять нового гостя с обычным радушием.

Если не считать отсутствия собственных произведений, Преображенский был безупречен почти со всех точек зрения. Правда, некоторые сочли, что красивый сероглазый брюнет куда уместнее смотрелся бы с дамой постарше, – по крайней мере, тогда бы ни у кого точно не возникало никаких вопросов о роде его занятий. Внешне, впрочем, все оставались вежливы и корректны, и только холодок в сочном баритоне Константина Городецкого показывал, что какой-то Преображенский – это вам не графиня Толстая, и с ним вовсе незачем соблюдать политес. Однако вскоре явился новый гость, и все внимание присутствующих переключилось на него.

Глава 4

Встреча старых врагов

– Маэстро Беренделли! Какая честь! Quel honneur! Мы вас так ждали! Прошу сюда… C’est notre fils, il s’appelle Dimitri, я о нем вам говорила. Il est heureux de vous voir.[8 - Это наш сын Дмитрий, он счастлив видеть вас (франц.).]

– Бонжур, – бормотал диковатый, лохматый недоросль Митенька, и его ладонь утонула в могучей лапе гостя.

Да, да, маэстро Беренделли, знаменитый хиромант, мало походил на своих, так сказать, коллег по профессии – гадателей, предсказателей и шарлатанов всех мастей, которые в изобилии водятся во все эпохи и особенно размножаются во времена вселенских кризисов. Сии господа обыкновенно учтивы, незаметны, тщательно подбирают слова и к тому же отличаются довольно субтильным телосложением – надо полагать, потому, что с таким телосложением легче удирать от людей, если те сочтут, что их обманывают, и потребуют свои деньги

назад. Однако Беренделли явно выделялся среди них. Прежде всего, он был крупный, могучий, дородный, и когда он входил в комнату, сразу же как-то начинало казаться, что в ней не очень много места. Затем, он обладал чисто итальянской живостью и говорил куда более громким голосом, чем принято в обществе, считающем себя хорошим. Волосы у Беренделли были угольно-черные, как и глаза, на груди лежала окладистая борода. Он явился в черном фраке, словно шел на очередное свое представление; на манжетах сверкали бриллиантовые запонки, на указательном пальце красовался крупный перстень с какими-то сложными письменами. Речь его составляла забавную смесь французского и итальянского языков, однако изредка он ухитрялся вставлять даже русские слова, которые выучил уже здесь, в Петербурге.

– Ah! Signora, grazie! Monsieur! Madame, bella, belissima![9 - Ах, синьора, благодарю вас! Сударь! Сударыня, какая красавица! (франц., итал.)] – И он кланялся, пожимал руки и улыбался, сверкая белоснежными зубами.

«Какой-то дикарь, честное слово», – неприязненно подумал про себя Митенька. Не понравилось ему и то, что хиромант, пожав его руку, повернул ее затем ладонью вверх и всмотрелся в нее, после чего рассмеялся, тряхнул головой и повернулся к остальным гостям.

– Что вы там увидели, маэстро? – спросил Павел Петрович, горя любопытством.

Однако Беренделли замахал руками и сказал, что он, конечно же, будет делать предсказания всем, кто захочет, но не сейчас, а немного позже. Он рад повидать своих старых знакомых и, разумеется, сделает все, чтобы они были счастливы.

– Как здоровье вашей дочери? – вежливо спросила Анна Владимировна. – Надеюсь, ей лучше?

На чело хироманта набежало облачко, и он сказал, что Антуанетта не вполне здорова, и он очень за нее беспокоится. Но он надеется, что все будет хорошо.

– Жаль, что ее здесь нет, – заметил Владимир Сергеевич своему брату-адвокату. – Ведь доктор у нас уже имеется. – И он глазами указал на сердитого, обсыпанного пеплом де Молине.

Из-за прибытия хироманта появление двух других гостей оказалось почти незамеченным, и так как Анна Владимировна и Павел Петрович были заняты итальянцем, пришлось Митеньке вспомнить о своих обязанностях хозяина дома. Краснея, он поцеловал руку хорошенькой кудрявой белокурой девушке, которая оказалась его кузиной Варенькой. Девушка улыбнулась ему, и Митя смешался окончательно.

– О! Какой вы большой! Совсем выросли! – полушутя-полусерьезно проговорила гостья. Глаза ее сверкали ярко-ярко – ярче бриллиантов в диадеме графини с надменным лицом, которая Мите сразу же инстинктивно не понравилась. – А это Александр, познакомьтесь, пожалуйста! Александр, это Митя, мой кузен!

Если графиня Толстая была Мите просто неприятна, то жениха оживленной Вареньки он невзлюбил с первого взгляда и окончательно. Во-первых, Александр оказался старше своей невесты – ему наверняка лет двадцать семь, но может быть, и больше. Во-вторых, он был офицер, а Митя в глубине души полагал, что все военные – грубые, бессердечные животные, и вообще армия предназначена служить исключительно для угнетения народа. В-третьих… Но что вообще хорошего можно сказать о человеке, у которого такое холодное, замкнутое лицо, и манеры которого вас просто леденят? Конечно, будь на месте Митеньки какая-нибудь дама с богатой фантазией, она бы первым делом отметила, что жених Вареньки очень хорош собой, но юноша не обращал внимания на такие мелочи. Зато он сразу же отметил, что офицер не подал ему руки, а когда наконец подошли его родители, окинул их таким взглядом, словно заведомо не ожидал от них ничего хорошего. Впрочем, ни Анна Владимировна, ни Павел Петрович ничего не заметили.

– Варенька! – воскликнула Анна Владимировна с чувством и распахнула объятья племяннице. – Ну надо же! Сколько же я тебя не видела, моя дорогая! Павлуша, ты посмотри, какая она стала красавица!

Офицер стоял, отряхивая перчатки, и на лице его было написано высокомерное, почти брезгливое равнодушие ко всем этим мещанским церемониям, за что Митя возненавидел его еще больше. Вареньку расцеловали, обняли и снова расцеловали. Анна Владимировна сочла своим долгом восхититься ее бледно-розовым платьем. Митя надулся и подумал про себя, что платье – вздор, зато Варенька – просто прелесть. Павел Петрович пожал руку офицеру и представился. Тот в ответ сквозь зубы, ничуть не хуже Евдокии Сергеевны, назвал свое имя. Митя расслышал только «Александр Михайлович» и «при

дворе», и ему не понравилось, что отец, услышав последние слова, как-то очень внимательно посмотрел в лицо офицеру и сделался с ним до отвращения вежлив. Гордость Митеньки, считавшего себя выше сословных условностей, была не на шутку уязвлена.

– А правда, что у вас будет итальянский хиромант? – шепотом спросила Варенька, сгорая от любопытства.

– Уже приехал, – буркнул Митя.

Офицер поглядел на него насмешливо, и Митя почувствовал, как его руки сами собой сжались в кулаки. Вот ведь странно – он-то всегда считал себя более чем мирным человеком и даже в детстве никогда ни с кем не дрался (ему куда больше нравилось читать книжки).

Верховские поспешили к гостям, прибывшим ранее, а офицер подал руку Вареньке и двинулся вслед за ними. Митя, сердито сопя носом, замыкал шествие.

– Как вы думаете, он и вправду это делает? – спросила Варенька.

– Кто? Что делает? – осведомился ее жених.

– Хиромант. Как, по-вашему, Александр, он и впрямь может предсказывать будущее?

– Если вам угодно верить… – Офицер пожал плечами.

– А вы не верите?

– Нет.

Грубиян, подумал Митя. И нахал. Можно подумать, сам он может разбираться в таких тонких материях, как судьба. Наверняка ничего не смыслит в жизни дальше хвоста лошади, на которой ездит на парады. Митя почувствовал, как очки вновь съехали на кончик носа, и поправил их, и в то мгновение внизу вновь зазвенел звонок. Павел Петрович обернулся.

– Митя, там еще приехали… Встреть их и проведи в большую гостиную, хорошо?

Митя взглянул на часы на стене и стал спускаться. Однако в столице совсем не принято быть пунктуальными, подумал он. Но тут он увидел вновь прибывших гостей, и всякие мрачные мысли разом исчезли из его головы.

Положим, первый гость не представлял из себя совершенно ничего особенного – какой-то молодой человек чахоточного сложения с мальчишеским лицом. Зато гостья – блондинка с карими глазами и упрямыми уголками четко очерченного рта – совершенно очаровала Митю. Настоящая дама! На ней было шелковое шуршащее платье цвета изумруда, на шее красовалась черная бархотка со сверкающей подвеской, а от ее руки, когда она подала ее Мите, пахло иланг-иланг-ом. Митя почтительно поцеловал ее теплое запястье и, не удержавшись, чихнул. Очки опять попытались предательски соскочить с его носа на пол, но он поймал их на лету и водрузил обратно. Дама улыбнулась, и в ее глазах заплясали золотистые искорки. Тут-то, очевидно, бедный Митя и пропал окончательно.

– Я баронесса Амалия Корф, – сказала гостья, – а это мой кузен Уильям. А вы…

– Дмитрий Павлович Верховский, – заторопился Митя, обретая дар речи. Но на большее его не хватило, и он так и остался стоять, пожирая глазами вновь прибывшую.

– А я вас помню, – заметила дама и опять улыбнулась. – Госпожа Верховская показывала мне вашу карточку.

Митя вспомнил, как он выглядел на карточке, и порозовел. Он ненавидел фотографироваться. Предательская камера словно задавалась целью сделать его еще более смешным и неуклюжим, чем он был в жизни. Он поймал взгляд кузена, как ему показалось, неуместно сочувствующий, и сделался пунцовым.

Сюртук кузена Уильяма слева под мышкой немного оттопыривался, и Амалия, заметив сейчас это, слегка нахмурилась.

– Билли! – шепнула она.

– Что? – спросил кузен, изобразив на лице самое искреннее изумление.

– Зачем ты захватил его с собой? – уже сердито спросила Амалия.

– Пригодится, – уклончиво ответил Билли.

– Должна тебе заметить, что у нас не принято ходить с оружием на званые вечера!

– Ну мало ли что может сегодня случиться, – возразил Билли, безмятежно глядя на нее. – Вдруг мне не понравится, что мне предскажет ручной гадатель, к примеру. Тогда мне будет проще заставить его изменить свое мнение.

У Амалии так и чесались руки дать ему подзатыльник, но героическим усилием воли она все же сдержала себя и мило улыбнулась лохматому недорослю.

– Прошу вас, сюда, – сказал недоросль. – Остальные гости уже приехали.

И он прикусил язык, сообразив, что сморозил чудовищную бестактность. Получалось, будто он упрекает баронессу в том, что она со своим родственником прибыла последней. Но Амалия, казалось, ничего не заметила.

– Ваша семья давно перебралась в Петербург? – спросила она, когда все трое поднимались по лестнице.

– Нет, – ответил Митя. – Отца перевели сюда по службе, вот мы и переехали. – Он с любопытством покосился на Билли, который чинно шагал возле Амалии. – А ваш кузен – англичанин?

– Американец, – уточнила баронесса Корф. – Из Североамериканских Объединенных Штатов.

– А, – протянул Митя.

По правде говоря, он впервые в жизни видел американца. В книгах, которые он читал о данной части света, были сплошные прерии, мустанги и индейцы, которых с риском для жизни героически искореняли храбрые переселенцы.

Однако Билли не походил ни на индейца, ни на переселенца, ни тем более на мустанга. Самый обыкновенный молодой человек совершенно европейского вида, подумалось Мите. К его жилету были прикреплены золотые часы на массивной цепочке, на которые он то и дело любовно поглядывал, а корректнейший галстук был повязан так, что поверг бы в смятение даже известного денди принца Уэльского.

Они вошли в гостиную, где вокруг хироманта собрались все гости, чьим вниманием, похоже, он прочно овладел. Только Венедикт Людовикович и офицер не поддались общему настроению. Высокий худой доктор хмуро курил в углу, то и дело поглядывая на часы на камине, а офицер с бокалом шампанского в руке расположился в кресле в нескольких шагах от своей невесты, которая слушала Беренделли, затаив дыхание.

– Я знаю, что многие мне не верят, – закончил тот свою речь, – но вся наша жизнь написана на ладони, и надо только уметь читать знаки, которые нам подсказывает судьба.

– И что же судьба сказала вам относительно моего сына? – спросила Анна Владимировна с любопытством.

– О, его ждет вполне замечательное будущее, – важно отвечал Беренделли. – И оно будет связано с землей.

– Вот уж вряд ли, – вмешался Павел Петрович. – Дмитрий решил, что будет учиться совершенно в другой области.

– О, месье, – хиромант погрозил ему пальцем с перстнем. – Важно не то, что решаем мы. Важно то, что судьба уже решила за нас.

– Браво! – воскликнула графиня Толстая и захлопала в ладоши.

Амалия поглядела на нее и поморщилась. Она не любила такой тип женщин и не скрывала своего отношения к ним.

Заметив, что Митенька привел новых гостей, Анна Владимировна устремилась к ним.

– Добрый вечер, госпожа баронесса! Прошу вас, располагайтесь… Это ваш кузен? Ну да, конечно, я помню. Павел Петрович, баронесса Корф пришла!

Офицер, сидевший в кресле, поднял голову. В то же мгновение Амалия увидела его, и их взгляды скрестились, как хорошо отточенные клинки.

Внезапно бокал в руке офицера треснул и разлетелся на куски. Варенька тихо ахнула, а доктор застыл на месте с озадаченным видом. Не обращая внимания на кровь, которая текла по его пальцам, офицер медленно поднялся, и во внезапном озарении Митя понял, что сейчас, вот именно сейчас произойдет что-то ужасное, что-то непоправимое…

– Александр! – Варенька уже была возле своего жениха. – В чем дело? Вы поранились!

Но офицер не смотрел на нее. Он смотрел лишь на Амалию, и взгляд его можно было назвать каким угодно, только не дружелюбным.

– Добрый вечер, господин барон, – очень вежливо промолвила баронесса Корф. – Давно не встречались, не так ли? Кстати, кто это с вами, Александр Михайлович?

Глава 5

Суббота, девятый час вечера

«Опростоволосилась, да еще как!» Сердце Евдокии Сергеевны пело. Нет, она всегда подозревала, что ее старая подруга – недалекая особа, но чтобы вот так проштрафиться…

– Ах, какой пассаж! Какой пассаж!

Иван Андреевич недовольно поглядел на супругу. Он редко видел ее такой оживленной, и оживленность ее ему не нравилась.

– Право, ma ch?re[10 - Дорогая (франц.).], – забурчал он, – иногда я тебя не понимаю, честное слово. Вы, женщины…

– А тут и понимать нечего, – перебила его Евдокия Сергеевна. – Как угодно, но это просто… Просто невозможно! Да и неприлично, наконец!

– Что именно? – уже в изнеможении спросил тайный советник.

– Будто ты не понимаешь, Иван Андреевич! – Евдокия Сергеевна на всякий случай оглянулась – не подслушивает ли их кто. Но подслушивать было решительно некому, да и незачем, ибо все уже и так обо всем догадались. – Варенька, ее племянница, ведь с женихом пришла, а жених – барон Корф. Анна же Владимировна пригласила на вечер еще и баронессу Корф! Теперь ты понял?

– Постой, – оторопел советник, – так она что, его жена?

– Бывшая, – значительным шепотом ответила Евдокия Сергеевна. – Бывшая, ты понимаешь, Иван Андреевич? – Веер затрепыхался в ее руке вдвое энергичнее прежнего. – Quel scandal![11 - Какой скандал! (франц.)]

Иван Андреевич оглянулся на баронессу, вытер платком лоб и подумал, что он и сам не отказался бы оказаться мужем баронессы Корф, хотя и бывшим. Впрочем, Иван Андреевич был женат достаточно долго, чтобы знать, какие мысли надо держать при себе. Он только поглядел на длинную жеваную шею своей жены и тихо вздохнул.

Вокруг раненого офицера меж тем хлопотали Анна Владимировна и Варенька. Доктор Венедикт Людовикович быстро и аккуратно перевязал ему руку, а Глаша убрала осколки стекла.

– Однако и сила у вас, – буркнул доктор, когда все необходимые процедуры были закончены. – Голой рукой раздавить бокал… – Он покачал головой.

– Я знал одну певицу, которая делала то же самое, но лишь силой своего голоса, – вмешался композитор.

Барон Корф покосился на него брезгливо, как на неизвестное науке, но чрезвычайно противное насекомое, и пошевелил пальцами раненой руки. Графиня Толстая, которую происходящее чрезвычайно забавляло, улыбнулась. Хотя мало что знала о баронессе Корф и лично с ней никогда не встречалась, она была рада, что та, по-видимому, попала в неловкое положение. Что может быть смешнее, чем явиться в гости с любовником и застать там собственного мужа с его невестой? Возможность того, что спутник баронессы вовсе не являлся ее сердечным другом, даже не приходила графине в голову.

– Вам лучше? – тревожно спросила Варенька у своего жениха.

Не отвечая, барон поднялся на ноги, но стоило ему сделать столь простое движение, как Амалия, хотя между ними находились рояль и несколько стульев, тотчас же отступила на шаг назад. Она и сама не заметила, как возле нее мгновенно возник Билли. Обостренным чутьем молодой человек сразу же уловил царившую в атмосфере напряженность, и сказать, что она не пришлась ему по душе, значит не сказать ничего.

– Это он? – спросил Билли одними губами. – Твой муж?

Амалия с треском раскрыла веер и стала им обмахиваться. У нее было недюжинное чувство юмора, редкое для женщины, и ситуация мало-помалу стала казаться ей комичной.

– Мы разведены, – коротко обронила она.

Настолько коротко, что Билли понял: дальше расспрашивать бесполезно. Однако он был слишком предан Амалии, чтобы принять существующую ситуацию как есть. Приятный – ну хорошо, ни к чему не обязывающий вечер на глазах превращался в удовольствие весьма сомнительного толка, и Билли решил: пора что-то предпринять. Он тяжко вздохнул и с мученическим видом потер висок.

– В чем дело? – спросила Амалия, когда он повторил сей маневр два или три раза.

– У меня голова болит ужасно, прямо раскалывается, – пожаловался Билли, глядя на нее честнейшими карими глазами. – Может быть, вернемся в гостиницу?

Амалия улыбнулась, и, заметив эту улыбку, обращенную к другому, статный светловолосый офицер с перевязанной рукой сделался еще мрачнее.

– А как же хиромант? – поинтересовалась баронесса. – Ты ведь хотел спросить у него, что тебя ждет?

– Ничего меня не ждет, – упрямо объявил Билли, только что заделавшийся отчаянным скептиком. – Мы уйдем отсюда, только и всего. Может, даже успеем в театр ко второму акту. – Он перехватил иронический взгляд Амалии и надулся. – И вообще, у меня так голова болит, врагу не пожелаешь!

– Нет, – всего-то и произнесла его собеседница, отчего Билли тут же сдался.

– Ну хорошо, совсем не болит. Только какого черта мы тут забыли?

– Я не уйду, – отрезала Амалия. – Иначе он будет думать, что я его боюсь. Так что мы остаемся. – И она мило улыбнулась добрейшему Павлу Петровичу, который от смущения не находил себе места.

Но тут Анна Владимировна, улучив минутку, пригласила дорогих гостей к столу. Муж подошел к ней. Он чувствовал себя виноватым – ведь именно ему пришла в голову мысль пригласить на вечер баронессу.

– Аннушка, – прошептал он, – ты разве не знала, что Варенькин жених – господин Корф?

Анна Владимировна горько покачала головой.

– Твоя сестра мне ничего не сказала. Все твердила: жених да жених. Мол, офицер, выгодная партия, а имя даже не назвала. Но тебе-то она наверняка сказала! Как же ты не мог сообразить такую простую вещь?

Павел Петрович тяжело вздохнул и признался:

– Она, кажется, упоминала его имя, да я забыл. Ох, грехи наши тяжкие!

Глаза Анны Владимировны увлажнились. Ах, как бедный Павлуша переживает!

– Ничего, – ободряюще сказала она, – бог милостив. Проследи только, чтобы рядом их не посадить.

Тут выяснилось, что, по замыслу самой Анны Владимировны, жених Вареньки и госпожа баронесса как раз и должны были оказаться на соседних местах. Павел Петрович в отчаянии схватился за голову, но на помощь отцу очень своевременно пришел Митенька, высказавший весьма практичное предложение – он сам сядет рядом с баронессой, а господин барон займет его место. По другую руку от разведенной жены окажется ее родственник из индейских прерий, так что все приличия будут совершенно соблюдены.

– Ах, Митенька, какой ты молодец! – расчувствовалась Анна Владимировна и обняла сына.

По правде говоря, Митенька был готов и не на такое, чтобы спасти красавицу Амалию от мужа – наверняка тирана, деспота и самодура, каких свет не видел, но похвала была ему приятна. Он приосанился и поправил очки, а Павел Петрович бросился к доктору, который взглянул на часы и быстрым шагом направился к выходу. Судя по всему, француз собирался произвести маневр, в просторечье известный как «сделать ноги». Выражаясь более высоким штилем, он явно собирался улизнуть.

– Венедикт Людовикович! – Павел Петрович догнал де Молине уже на лестнице. – Куда же вы? Мы так на вас рассчитывали!

Доктор, явно сконфуженный, забормотал что-то о пациентах и профессиональных обязанностях, которые вынуждают его… Но от Павла Петровича не так-то легко было отделаться. Он ласково, однако же весьма твердо взял француза под локоть и, невзирая на его протесты, увлек обратно в гостиную.

– Венедикт Людовикович, я просто вам поражаюсь! Вы же сами понимаете, какой вы незаменимый человек… – Павел Петрович оглянулся на жену и позволил себе даже довольно рискованную шутку. – Вдруг барон Корф еще что-нибудь у нас разобьет? Тогда ведь нам будет не к кому обратиться за помощью… – Де Молине вновь замотал головой, но Павла Петровича было не остановить. – Хорошо, мой дорогой, хорошо! Я посажу вас рядом с нашим итальянским гостем.

– О, нет, зачем же, прошу вас! – запротестовал доктор. Но Павел Петрович не желал ничего слушать. Он пожурил доктора за бегство, подвел его к жене и спросил, нельзя ли посадить де Молине рядом с хиромантом. Однако Анна Владимировна заявила, что это невозможно, места возле итальянца уже заняты ею самой на правах хозяйки дома и графиней Толстой.

– Мы посадим вас рядом с Митенькой, – объявила она, улыбаясь своей блеклой, невыразительной улыбкой. – И баронессой Корф.

Судя по всему, доктор был вовсе не против подобного соседства, так что на том и порешили.

– Александр, – тревожно шепнула Варенька своему спутнику, когда они шли в столовую, – может быть, нам лучше уйти? Я же вижу, вам неприятно находиться… рядом с ней.

Это было явно лишнее: барон Корф терпеть не мог, когда кто-то видел его слабость. Он метнул взгляд на Амалию, которая держалась непринужденно, словно ничего и не произошло, и отвернулся.

– Уверяю вас, вы ошибаетесь, – холодно произнес офицер. – Между мной и госпожой баронессой все давно кончено.

Варенька поглядела на него тревожно. От отца, генерала Мезенцева, который многое знал о жизни двора, она слышала, что первая жена барона оказалась вертихвосткой и авантюристкой, каких поискать, и что бедный барон изрядно с ней намучился, пока развод (на который он, к слову, до последнего не соглашался) не положил конец его мучениям. Но Амалия не походила ни на авантюристку, ни на легкомысленную особу вроде графини Толстой, которую не принимают в приличном обществе. Она вообще ни на кого не походила. У нее было умное лицо, и держалась она как настоящая светская дама. Нет, Варенька была бы только рада, если бы первая баронесса Корф оказалась исчадием ада, но, если посмотреть правде в глаза, та вовсе не производила такого впечатления.

Однако если баронесса Корф и в самом деле ничем не провинилась перед своим мужем, то чем же тогда объяснить реакцию Александра при ее появлении? Варенька знала своего жениха (то есть думала, что знала). Он самый

сдержанный, самый хладнокровный человек на свете, и надо было основательно потрудиться для того, чтобы заставить его голой рукой так сдавить хрустальный бокал, словно тот обыкновенная бумажка.

«Как он, должно быть, из-за нее страдал! – думала сердобольная Варенька. – Нет, наверное, жена все-таки чересчур была с ним жестока. А то, что с виду баронесса такой не кажется… Вот, к примеру, Китти Барятинская тоже в институте слыла паинькой, а на самом деле… На самом деле ужасно гадкой девушкой оказалась».

Графиня Толстая поглядела на Амалию, которая шла к столу в сопровождении своего кузена, перевела взгляд на мрачное лицо барона и глупышку-невесту рядом с ним и ласково улыбнулась Никите Преображенскому.

– Кажется, никто из них не догадается уйти, – сказала она. – Интересный вечер нам предстоит! По правде говоря, я обожаю скандалы, особенно семейные.

– Элен, умоляю тебя, – довольно кисло пробормотал молодой композитор.

– Разумеется, когда они происходят в чужих семьях, – продолжала графиня, безмятежно улыбаясь. – Скандалы в собственной семье всегда скучны, грубы и несносны…

Неподалеку от них Анна Владимировна успокаивала знаменитого хироманта, который во что бы то ни стало хотел знать, что происходит и почему тот officier[12 - Офицер (франц.).] так разволновался при появлении дамы в изумрудном платье.

– Нет-нет, месье! – лепетала хозяйка дома. – Уверяю вас, вы ошиблись!

Беренделли шутливо погрозил ей пальцем и важно заявил:

– У судьбы от меня нет секретов. Я все равно прочту все по их ладоням, понимаете?

На самом деле, конечно, ему не требовалось даже смотреть на ладони, чтобы понять смысл происходящего. Он был почти уверен, что красавица с бархоткой

на шее предпочтет покинуть дом Верховских под благовидным предлогом, но: но она уже садилась за стол между своим спутником – судя по сходству лиц, близким родственником – и сыном хозяев. Беренделли нравились храбрые женщины, и он посмотрел на Амалию с невольным уважением.

«И какого черта он на нее пялится?» – подумал, бросив взгляд на итальянца, бледный от бешенства барон Корф.

Билли же с задумчивым видом смотрел на вилки и ножи возле своего прибора. С другой стороны от Амалии Митенька Верховский на правах почти хозяина решил, что настала пора развлечь гостью разговором.

– Вы давно изволили прибыть в Петербург? – спросил он.

– Совсем недавно, – ответила баронесса.

– Кажется, вы остановились в гостинице?

Но тут в их беседу самым неучтивым образом вмешался барон Корф.

– Какая еще гостиница? – зло обронил он. – А что такое случилось с вашим особняком на Английской набережной?

– Я распорядилась переделать в нем второй этаж, – очень спокойно ответила Амалия. Но в ее глазах полыхнули уже не искры, а такие языки пламени, что даже Билли, которого они ни в коей мере не касались, малость поежился.

Иван Андреевич метнул на говорившую быстрый взгляд. На Английской набережной? Стало быть, странная молодая женщина принадлежит к высшей знати, иначе бы ей просто не удалось там поселиться.

– А как поживает ваш почтенный дядюшка? – осведомился у бывшей жены барон Корф. – Надеюсь, он в добром здравии?

– О, в прекрасном, – небрежно отвечала баронесса.

– И по-прежнему проигрывает в карты тысячи рублей? – В голосе барона сквозила неприкрытая ирония.

– Десятки тысяч, – вздохнула молодая женщина. – Еще каких-нибудь лет тридцать, и он окончательно меня разорит. – Судя по ее тону, в смысле иронии она могла дать своему бывшему мужу сто очков вперед.

Митя сделал героическое усилие вклиниться в словесную перепалку супругов.

– Вам нравится Петербург? – спросил он у Амалии.

– Вполне, – честно ответила она.

– А я собираюсь скоро поступать в университет, – отважно солгал Митенька, сам удивившись, как ему удалось не покраснеть.

– О, – протянула Амалия. – И кем же вы собираетесь быть?

– Юристом, – объявил Митенька, застенчиво глядя на нее. – Скорее всего, адвокатом, хотя я еще не уверен.

– Будете защищать преступников? – Амалия послала Билли ласковый взгляд. – Боюсь, это мне не интересно.

– Почему? – пролепетал Митенька, совершенно сбитый с толку таким неожиданным поворотом.

– Потому что куда интереснее их ловить, – отозвалась его загадочная соседка.

Но тут Павел Петрович решил, что пора произнести первый тост, и поднялся с места. Глаза всех присутствующих обратились на него.

Глава 6

Муж и жена

– И мы счастливы приветствовать под нашим кровом знаменитого маэстро Беренделли, который среди своих, вне всякого сомнения, примечательных трудов, которые служат человечеству, выкроил минутку для того, чтобы… чтобы… – Оратор запутался в сложном предложении, как рыба в сетях, затрепыхался, глотнул воздуху и коротко завершил маловразумительную речь: – Словом, да здравствует маэстро!

Он улыбнулся жене, улыбнулся гостям, сел и стал вытирать платком лоб.

– Как ты думаешь, – громким шепотом осведомилась Евдокия Сергеевна у мужа, – он и впрямь ее брат?

– Кто? – недовольно спросил Иван Андреевич.

– Американец! – Евдокия Сергеевна сделала страшные глаза.

Иван Андреевич шевельнул рыжими усами, покосился на баронессу Корф, которая вполголоса переговаривалась о чем-то со своим хрупким кузеном. Но почти сразу же он встретил ледяной взгляд сидевшего неподалеку барона Корфа и отчаянно закашлялся.

Тайный советник и его супруга даже не подозревали, что в то же время и братья Городецкие обсуждали даму в изумрудном платье.

– Ты знаешь, кто она такая? – спросил Владимир у адвоката.

– В свете я ее не встречал, – пожал тот плечами.

– Может быть, она живет за границей? Да и брат ее…

– Ей кто угодно, только не брат, – сквозь зубы закончил фразу Константин Сергеевич.

– Почему? Они ведь похожи…

– Именно потому, что похожи, – безапелляционным тоном отрезал адвокат.

– Ты что-нибудь вообще о ней знаешь?

– С чего бы это?

– С того, что она разводилась и наверняка со скандалом делила имущество. Ведь вы, адвокаты, обычно в курсе дел друг друга.

Константин Сергеевич снова пожал плечами.

– Ты, наверное, удивишься, но о ее разводе мне ровным счетом ничего не известно.

– Правда? Занятно! – И Владимир Сергеевич откинулся на спинку стула. Он был заинтригован не на шутку. Странная баронесса Корф против воли начала его занимать.

За первым тостом последовали второй, третий – за хозяйку, за хозяина, за присутствующих дам и процветание хиромантии. Итальянец тоже не остался в долгу и особо отметил красоту русских женщин. Правда, первой в списке красавиц он почему-то назвал хозяйку дома, но, надо полагать, то был чистый жест вежливости.

– Маэстро Беренделли, – спросила графиня Толстая, которую уже успели утомить славословия, – вы мне погадаете?

Беренделли поклонился, поцеловал графине руку и с любопытством всмотрелся в линии ладони.

– Непременно! – объявил он.

– И мне! И мне! – воскликнула Евдокия Сергеевна.

– Пожалуй, я был бы тоже не прочь узнать свое будущее, – с расстановкой заметил адвокат. – Сейчас мы как раз ведем процесс такого рода, что нам не

помешало бы знать, чем он закончится.

– А вы, доктор? – спросила хозяйка у де Молине, который мрачно посмотрел на нее. – Вы не хотите знать свое будущее?

– Зачем? – довольно резко ответил тот. – Все проживают более или менее одинаковую жизнь, и все в конце концов умирают. К чему знать больше?

Стол неодобрительно загудел.

– Ах, какой вы циник! – проворковала графиня Толстая и сделала неприятному доктору глазки.

Венедикт Людовикович с раздражением отвернулся. Что-то было в женщине такое, что всерьез раздражало его, хотя он старался относиться ко всем людям ровно и беспристрастно.

– Право же, глупо не узнать, когда есть возможность узнать, – заметил композитор.

– Что до меня, то я бы очень хотела приоткрыть завесу над своим будущим, – промолвила Варенька и покраснела. – А вы, Александр?

– Я? – грубовато отозвался барон. – О нет, увольте!

– Почему? – Варенька смотрела на него широко распахнутыми глазами.

– Потому что все это вздор, – отрезал Александр.

– А вы верите в гадания? – с волнением обратился Митя к своей очаровательной соседке.

Амалия не успела ответить, потому что вмешался Павел Петрович:

– Дамы и господа, обещаю вам, маэстро Беренделли после ужина погадает каждому желающему! И я желаю всем, чтобы их чаяния сбылись!

Графиня Толстая улыбнулась.

– Интересно, она красит волосы? – задумчиво пробормотала она.

– Кто? – спросил Никита.

– Баронесса.

На взгляд Преображенского, такого просто не могло быть, но по тону прекрасной Элен он понял, что та не ждет ничего, кроме утвердительного ответа. А потому ответил уклончиво:

– Кто вас, женщин, разберет!

Доктор катал по столу хлебные шарики. Павел Петрович предложил очередной тост.

– Хм, а на хорошее вино они денег пожалели, – заметил тихонько Владимир Сергеевич, опустошая бокал.

– Чего еще ты от них ждал? Провинция, – фыркнул адвокат.

Напротив них Евдокия Сергеевна методично пилила мужа, чтобы тот не пил слишком много, иначе она не ручается за последствия. Судя по выражению лица добрейшего Ивана Андреевича, с которым он слушал нотации своей половины, тайный советник был явно не прочь овдоветь.

«Лучше бы мы поехали в театр, – думал Билли, механически дожевывая кусок мяса. – Как он мог допустить, чтобы она от него ушла? Я бы, во всяком случае, ни за что не допустил».

Но вот ужин кончился, и гости потянулись обратно в гостиную, где таинственно поблескивал большой рояль. Никита Преображенский сразу же сел за инструмент и начал наигрывать что-то меланхолическое. Беренделли подошел к Амалии, поцеловал ей руку и напомнил, что они мельком встречались на курорте, где лечилась его дочь.

– Впрочем, – добавил он, глядя на ладонь молодой женщины, – я вижу, что вы уже вылечились. Но вы должны быть осторожны, мадам… очень осторожны… – Хиромант с любопытством глянул на Амалию. – У вас странная линия судьбы! – Рука Амалии уже выскользнула из его пальцев; молодой женщине явно не понравилось, что он пытался определить ее будущее. – Столько превратностей, столько опасностей! Но вы можете быть спокойны, дитя мое. Вы будете жить еще долго… очень долго!

– И доживу до ста лет? – в тон ему осведомилась молодая женщина.

– Возможно, – отвечал хиромант с загадочной улыбкой. – Разве это не прекрасно – пройти сквозь годы и сквозь эпохи и видеть, как меняется мир вокруг?

Амалия пристально посмотрела на него. Лицо Беренделли осветилось вдохновением – судя по всему, он и сам верил в то, что говорил. И все же баронесса Корф возразила:

– Нет. Потому что старость ужасна, уродлива и отвратительна. А когда разум слабеет, она становится отвратительной вдвойне.

Беренделли усмехнулся.

– Могу вас заверить, госпожа баронесса, что вам это не грозит. Вы до самого своего последнего часа будете превосходить умом окружающих. Причем доказать это вам придется гораздо быстрее, чем вы думаете.

И, сочтя, очевидно, что уделил Амалии достаточно внимания, хиромант поклонился и вернулся к хозяину дома, с которым завел разговор об их общих курортных знакомых.

Билли вздохнул и поправил какой-то предмет под сюртуком.

– Может, стоит заставить его изменить свое мнение? – небрежно спросил он. – Я бы смог найти подходящие аргументы.

Амалия покачала головой.

– Нет. Он все равно не смог бы предсказать мне то, что я хочу.

– А чего вы хотите? – с любопытством спросил Билли.

– Как и любая женщина, быть бессмертной и вечно молодой, – с улыбкой отозвалась Амалия. – Но, к сожалению, это совершенно невозможно.

«Однако! – подумала Евдокия Сергеевна, которая, сидя неподалеку, постаралась не упустить ни единого слова, произнесенного Амалией. – Ну и нравы у аристократок! Неудивительно, что бедный барон на дух ее не переносит».

Воспользовавшись тем, что никто на него не смотрел, доктор де Молине вновь сделал попытку уйти, но на сей раз его перехватила бдительная Анна Владимировна. Проклиная в душе все на свете, Венедикт Людовикович вернулся в гостиную и сел на диван рядом с баронессой Корф, которая заговорила с ним по-французски о его родине. Митенька застыл за диваном как изваяние. Ему было мучительно стыдно – из беглой речи баронессы он понимал лишь отдельные слова и решил, что непременно подтянет свой французский, чтобы было чем блеснуть в обществе.

Барон Корф устроился в углу, но, как заметил Билли, примостившийся в кресле рядом с диваном, первый муж не спускал с Амалии глаз. Что явно не понравилось Вареньке, которая предприняла попытку увести жениха под тем предлогом, что он неважно выглядит и она не слишком доверяет доктору де Молине. Может быть, им лучше обратиться к кому-нибудь другому? Но Александр таким тоном ответил: «Я вполне здоров, благодарю вас», – что бедная девушка пожалела, что вообще задала свой вопрос. В отместку она решила непременно сказать Амалии какую-нибудь колкость, если та станет с ней разговаривать. Но баронессе Корф, похоже, не было до Вареньки никакого дела. Она беседовала со злюкой доктором, который, похоже, был совершенно ею очарован и даже перестал поглядывать на часы.

– Ну что, нас будут развлекать или нет? – спросил вдруг Владимир Сергеевич.

Павел Петрович посовещался с хиромантом и сказал, что маэстро готов приступить к гаданиям, но так как дело это довольно деликатное, то маэстро удалится в малую гостиную, куда к нему могут заходить по одному все желающие. Каждому из них синьор Беренделли расскажет об их будущем, а для

проверки он готов приоткрыть завесу и над некоторыми тайнами их прошлого.

– Ну разумеется, – протянул Константин Сергеевич, качая головой, – кто бы сомневался. Наверняка он нанимает ловких людей, чтобы разузнать все о тех, кому он будет делать предсказания, а потом ошеломляет легковерных силой своего прозрения. Как же это все мелко, в самом деле!

– А как же предсказания будущего? – обратилась к нему с каверзным вопросом Евдокия Сергеевна, обмахиваясь веером. – О будущем он тоже может расспросить, как вы говорите, ловких людей?

– Ах, сударыня, – вздохнул, вступая в беседу, Владимир Сергеевич. – Старый, всем известный фокус! Говори людям такие вещи, какие они хотят услышать, и все будут тебе благодарны. А правда то или нет, не имеет никакого значения.

До сих пор Евдокия Сергеевна колебалась, идти ли ей к хироманту, но ответ Городецкого окончательно развеял ее сомнения. Разумеется, она хочет знать свое будущее. А насколько оно правдиво – в конце концов, жизнь покажет.

Беренделли перешел в малую гостиную, а гости стали совещаться, кто отправится к нему первым. Азартнее других узнать о своем будущем желала графиня Толстая, и ее пропустили вперед. За ней вызвалась идти Евдокия Сергеевна, а после тайной советницы – хозяйка дома. Что же до баронессы Корф, то она, судя по всему, ничуть не интересовалась грядущим. По крайней мере, явно не собиралась расспрашивать о нем всезнающего хироманта.

Графиня Толстая в сопровождении Глаши, которая показывала дорогу, скрылась за дверью. Тем временем лакеи внесли кофе и ликеры.

Варенька Мезенцева страдала. Ей ужас как любопытно было узнать, что у нее впереди, но у Александра сделалось такое каменное лицо, когда она заговорила об этом, что девушка даже не осмелилась подать голос, когда обсуждали, кто и в каком порядке пойдет к Беренделли. Через пару минут к ней приблизилась хозяйка дома.

– Дорогая, а вы? Разве вы не хотите знать, что вас ждет?

Варенька покачала головой. Она храбрилась, но на душе у нее было скверно.

– А вы, Александр Михайлович?

– Благодарю покорно, – барон ответил таким тоном, что Анна Владимировна поняла: настаивать бесполезно. Она лишь ободряюще улыбнулась Вареньке и отошла.

Павел Петрович обсуждал с Иваном Андреевичем какие-то тонкости службы в их ведомстве. До Вареньки то и дело доносились слова: «столоначальник», «беспрепятственно», «секретные бумаги», и ей сделалось скучно. Композитор за роялем тихо наигрывал какую-то прелестную мелодию. Он поймал взгляд Вареньки и улыбнулся.

– Как хорошо вы играете! – искренне воскликнула девушка.

Ее невинное замечание, очевидно, переполнило чашу терпения барона Корфа. Впрочем, возможно также, что Александр попросту не любил музыки. Так или иначе, он поднялся с места, пересек комнату и, скрестив руки на груди, остановился рядом с диваном, на котором сидела Амалия. Евдокия Сергеевна хищно распрямилась, почуяв назревающий скандал. Анна Владимировна и Павел Петрович обменялись растерянными взглядами, однако баронесса Корф и бровью не повела.

– Кажется, вы не представили меня вашему спутнику, – холодно произнес барон, глядя на нее сверху вниз.

Спутник Амалии бросил на барона рассеянный взгляд и сунул руку под сюртук. Носком туфли баронесса тотчас же стукнула Билли по ноге, и «кузен» сделал вид, будто ничего не случилось.

– Alexandre, ce n’est pas poli[13 - Александр, это невежливо (франц.).], – спокойно уронила Амалия.

– Что именно?

Амалия выразительно повела бровями, указывая на Вареньку.

– Ваша невеста может не так вас понять.

– Уверяю вас, она поймет меня именно так, как надо, – отрезал Александр. – Ну и кто же он, господин, который ест салат большой вилкой? – И он с задором покосился на Билли. – К тому же, сколько мне помнится, среди ваших родственников прежде не водилось американцев.

– А вы уверены, что знаете всех моих родственников? – вскинула брови Амалия. – И может быть, вам сначала лучше разобраться со своими?

Доктор беспокойно шевельнулся. Судя по всему, в словах баронессы содержался какой-то намек, причем достаточно обидный. Во всяком случае, скулы барона окрасились кирпичным румянцем.

– Сударыня, я запрещаю вам… – прошипел Александр.

Но тут – надо признаться, весьма вовремя – подоспела Анна Владимировна и увлекла жаждущего схватки барона пить кофе. Самый, самый наилучший кофе, какой только есть в Петербурге, уверяла хозяйка дома, такой, что господин барон не сможет отказаться, тем более что она сама, своими руками нальет ему чашечку. Она, кстати, так рада видеть его у себя в гостях!

– Скандала не получилось, – вздохнул Константин Сергеевич в другом углу гостиной. – А жаль!

– Подожди, все еще впереди, – рассеянно откликнулся его брат и взглянул на часы.

Но тут растворились двери, и вошла Елена Николаевна Толстая. Все сразу же заметили, что лицо ее мрачно. «Интересно, что ж ей наговорил Беренделли?» – подумала изнывающая от любопытства Евдокия Сергеевна.

– Госпожа графиня… – Павел Петрович был уже возле Толстой.

Та повела плечами, сухо улыбнулась и сквозь зубы обронила:

– Не так уж он и хорош, ваш хиромант.

«Значит, композитор ее бросит», – тотчас же повеселела тайная советница. И в сопровождении Глаши направилась к маэстро – пытать свою судьбу.

Глава 7

Один из нас

Пока Беренделли по просьбе Евдокии Сергеевны приоткрывал для нее завесу будущего, в большой гостиной Варенька подошла к хозяйке. Она была не на шутку обижена поведением жениха и решила, что настало время действовать.

– Анна Владимировна… Можно, я пойду сейчас? Ну пожалуйста…

– Да, дорогая, конечно, – улыбнулась Верховская.

Евдокия Сергеевна явилась через несколько минут, и вид у нее был не то чтобы растерянный, но явно озадаченный. Однако она вскоре преодолела свое смущение и стала усиленно обмахиваться большим французским веером.

Итак, следующей к знаменитому хироманту отправилась Варенька. Ей, очевидно, повезло с судьбой куда больше, потому что она вся сияла, когда выпорхнула из малой гостиной.

– А вы, сударыня? – спросила Анна Владимировна баронессу Корф. – Вы по-прежнему не хотите посоветоваться с господином Беренделли?

Но Амалия только покачала головой.

– Тогда я, пожалуй, пойду, – с извиняющейся улыбкой произнесла хозяйка дома и скрылась за дверью.

«Интересно, о чем она будет спрашивать хироманта? – подумала Амалия. – Ей лет сорок, не меньше, у нее внимательный, заботливый муж, или, по крайней мере, кажется таковым; у нее взрослый сын, наивный молодой человек, который

считает себя умнее многих, но это пройдет, как только он столкнется с настоящей жизнью… Что именно в будущем может интересовать женщину? Ведь ясно же, что ее существование – такое же, как жизнь сотен тысяч других людей – не плохое, но и не очень уж хорошее. Просто она никогда не разведется, никогда не станет эмансипэ[14 - Женщина, свободная от предрассудков.], не поедет на Северный полюс, не напишет захватывающий роман, не поступит в особую службу и не покинет ту службу, громко хлопнув дверью, как некоторые… – Амалия поморщилась, отметив, что мысли ее явно потекли куда-то не туда. – Или она просто хочет услышать от Беренделли, что в ее жизни не произойдет никаких бедствий, что она проживет еще столько же, сколько до сего дня, и умрет в своей постели, окруженная внуками и правнуками? А я? Как бы хотела умереть я? Во всяком случае, не от чахотки – отвратительная, выматывающая болезнь, вечная слабость, лихорадка, кровь горлом… Между прочим, здешний климат – не для меня, у меня и так уже и врач сказал… сказал… Но все обошлось. Пока обошлось, но я больше не хочу подобных треволнений… Я просто хочу видеть, как вырастут мои дети, а весь мир подождет. Надо уметь выбирать. Пусть у меня будет простая жизнь, да, простая жизнь без всяких приключений. Никаких расследований, убийств, невыполнимых поручений. Я устала. Хочу читать книги, гулять в красивых парках, общаться с умными людьми и баловать детей. Что бы ни случилось в их жизни дальше, пусть у них будет хотя бы воспоминание о счастливом детстве, о той поре, когда их любили и баловали… Потому что во взрослой жизни никто никого не любит и, по большому счету, никому никого не жаль. – Она перехватила взгляд Вареньки, которая победно смотрела на нее, постукивая носком туфельки по полу, и мысли баронессы приняли другое направление: – Наверняка родня Александра в восторге от его новой невесты. И, конечно, Беренделли предсказал ей, что она будет совершенно счастлива в браке. Очень опрометчивое предсказание, особенно если учесть натуру господина Корфа. И я сильно сомневаюсь, что девушке удастся его переделать».

Вот уже и Анна Владимировна вернулась от хироманта, теперь в малую гостиную потянулись мужчины. Первым вызвался идти представительный Константин Сергеевич, и Билли проводил его неприязненным взглядом. Судя по всему, молодой человек терпеть не мог адвокатов, которые чем-то ему сильно насолили.

– Интересно, он будет расспрашивать итальянца про каждое свое будущее дело? – спросил вслух Билли. – А то мне придется ждать своей очереди до утра.

– Я думаю, маэстро объяснит ему, что все в подробностях увидеть невозможно, – отозвалась Амалия с улыбкой. – Он просто скажет, что Константин Сергеевич часть дел выиграет, а часть дел проиграет, что, конечно, будет соответствовать истине, потому что ни один человек еще не выигрывал всего.

– Значит, вы не верите в то, что наше будущее предопределено? – спросил баронессу Митенька.

Амалия пожала плечами.

– Если бы было так, то жизнь стала бы слишком скучной. Какой смысл тогда делать что бы то ни было, если все уже предопределено? Тогда получается, что если бы ваш отец, к примеру, не ходил на службу, он бы все равно сделался статским советником. Вот уж неправда! Потому что как раз для этого ему пришлось потрудиться.

– Но в мире не все зависит от нашей воли, – заметил доктор. – Хорошо, допустим, должность Павла Петровича была плодом его усилий. А если завтра в Петербурге произойдет наводнение или революция, и он станет их жертвой, где тут его влияние на события?

– Он может для начала сделать все, чтобы не стать жертвой, – возразила здравомыслящая Амалия. – Успеть сколотить плот, пока подойдет вода, или спрятаться, чтобы не быть убитым разъяренным народом. Впрочем, революция в России вряд ли произойдет. Здесь не Франция, где только в нынешнем веке их было несколько.

– Однако лучшие европейские умы, – быстро вставил Митенька, радуясь, что разговор перешел на мыслительные темы, – уверяют, что революция не за горами.

– Только не в России, – безмятежно отозвалась Амалия. – Видите ли, Дмитрий Павлович, Россия – очень косная страна. Хорошо это или плохо, неизвестно, но сие факт. Для того чтобы здесь произошли масштабные перемены, нужны совсем уж из ряда вон выходящие условия.

– Должен признаться, сударыня, мне кажется странным, – начал Митенька, поправляя очки, – что вы так говорите о…

– Вы историю изучаете? Нет? А жаль, – перебила юношу баронесса. – Видите ли, история какого-либо народа отражает дух данного народа. Почему Франция сто с лишним лет воевала с Англией и отстояла свою свободу? Вовсе же не потому, конечно, что французские короли не хотели признавать над собой власть английских. Если отвлечься от частностей, то революция в России – это Петр Первый, к примеру. Он был главой страны и повернул ее туда, куда считал нужным. Со всех точек зрения его линия была настоящим безумием, но ему удалось сделать задуманное. Теперь возьмите, к примеру, царя Ивана Грозного – хотя по всем признакам он был просто сумасшедший и кровь при нем лилась как вода, никакой революции не произошло, никто даже не пытался его свергнуть. А вот Смутное время – уже почти революция, потому что династия прекратилась, начался всеобщий разброд внутри государства, да еще и войны с внешним врагом. И если бы в то время нашелся хоть один человек, пригодный на роль вождя, и повернул бы ситуацию в свою пользу…

– Да, революция во имя интересов народа… – вздохнул Митенька, и взор его затуманился.

– Милый юноша, – улыбнулась Амалия, – революция никогда не бывает «за». Она бывает только «против» – против прошлого или настоящего, которые кого-то не устраивают. Именно поэтому все революции так тихо и позорно сходят в конце концов на нет. Потому что недостаточно быть только «против», всегда наступает время, когда надо выступить «за» что-то. А вот как раз ни к чему подобному господа революционеры и не готовы. Они так привыкли быть против, что не способны предложить ничего нового. Да и потом, к чему утруждать себя? Ведь своего они уже добились, им вполне достаточно поделить власть и пожинать ее плоды. Вы же знаете, Французская революция началась истреблением аристократов и Конвентом, продолжилась шайкой воров в лице Директории, а в конце пришел Бонапарт, после чего революция была сдана в архив.

Венедикт Людовикович пристально поглядел на Амалию.

– Должен признаться, сударыня, – заметил он, – у вас достаточно любопытный… э… взгляд на историю моей страны. Значит, появление Наполеона, по-вашему, было закономерностью?

– Да, поскольку это был Наполеон, – ответила Амалия.

– А я не понимаю, отчего все так героизируют его личность, – упрямо сказал Митенька. – По-моему, он был тиран, и к тому же недальновидный, поскольку не понимал, что невозможно без конца вести войну со всей Европой.

– Уверяю вас, вы не правы, – любезно отозвалась Амалия. – Настоящие тираны не терпят поражений. Если они и умирают, то окруженные всеобщим почетом и лестью славословий. А Наполеон умер как обыкновенный человек. К тому же для тирана у него было слишком хорошо развито чувство юмора. Тиран никогда не скажет, что от великого до смешного один шаг.

– Но его войны! Сам я для блага истории и людей, которые погибли в бесчисленных сражениях наполеоновских войн, предпочел бы, чтобы у него было поменьше таланта полководца, но побольше здравого смысла, – отважно процитировал Митенька фразу из книжки.

– А вот как раз войны были наследством революции, – возразила Амалия. – Именно из-за нее Франция оказалась вне общеевропейской системы, которая немедленно начала с ней воевать. И возвышение Наполеона тут мало что изменило.

По лицу Митеньки было заметно, что ему очень хочется поспорить с баронессой, и Билли неодобрительно покосился на него. Сам он всегда слушал все, что говорила Амалия, очень внимательно и даже не думал о том, чтобы спорить с ней, особенно когда речь касалась таких вещей, в которых он мало что смыслил.

– Кажется, адвокат вернулся, – сказал Билли, чтобы перевести разговор на другую тему.

От проницательной Амалии не укрылось, что Константин Сергеевич появился в гостиной, имея весьма растерянный вид.

– Ну, как? – спросил у него брат. – Мы выиграем процесс или нет?

– По его словам, я вообще больше не выиграю ни одного процесса, – с раздражением проговорил адвокат. – Черт знает что такое!

За ним была очередь Ивана Андреевича, но тайный советник замешкался, стал колебаться, и вместо него пошел спутник Амалии.

– Что он тебе сказал? – поинтересовалась баронесса, как только Билли вернулся.

Американец только плечами пожал.

– Да ничего, в общем-то, – ответил он.

Амалия пристально взглянула на него и не стала настаивать.

Что именно Беренделли сказал Ивану Андреевичу, который все-таки решился навестить его, так и осталось тайной, зато ни от кого не укрылась их перепалка. Иван Андреевич кричал: «Я не позволю!», хиромант не то уговаривал его, не то извинялся. Через минуту в большую гостиную влетел тайный советник, и лицо его цветом своим могло в тот момент поспорить с самыми отборными помидорами.

– Иван Андреевич! – кинулась к нему супруга. – Что с вами?

Иван Андреевич как-то застонал и повалился в кресло. Евдокия Сергеевна взвизгнула, и доктору де Молине второй раз за вечер пришлось оказывать гостю помощь. Впрочем, все обошлось, хотя Иван Андреевич держался за грудь и время от времени тихо стонал.

Павел Петрович стоял ни жив ни мертв: из приятного развлечения вечер, устроенный его супругой, превращался в черт знает что. Никита Преображенский и графиня Толстая тихо ссорились. Никита хотел идти к хироманту, Элен его не пускала.

– Но я хочу знать, что меня ждет!

– Перестань! Неужели ты не понимаешь: он же обыкновенный шарлатан!

Однако Никита все-таки отправился в комнату к Беренделли.

– Интересно, какое у него будет лицо, когда он выйдет оттуда? – пробормотал Павел Петрович.

– Все зависит от того, что маэстро ему скажет, – пожала плечами его супруга.

– А что он сказал тебе? – несмело спросил статский советник. Анна Владимировна улыбнулась, ее глаза на мгновение затуманились.

– Он очень многое угадал, – сдержанно ответила она.

Вскоре вернулся Никита Преображенский, но вид у него был не то чтобы радостный и не то чтобы печальный, а скорее сильно удивленный.

– Глупости, – ответил он на вопрос графини и беспечно засунул руки в карманы. – Сплошные глупости!

Больше, судя по всему, никто не хотел идти к хироманту, и Анна Владимировна отправилась за итальянцем, чтобы привести его к гостям. Через минуту маэстро Беренделли в сопровождении хозяйки дома показался на пороге. Его засыпали вопросами, но он только улыбался.

– Однако это несправедливо, – заметил Константин Городецкий. – Одни теперь знают все о том, что с ними случится, а другие пребывают в блаженном неведении. Нехорошо, нехорошо!

– Может быть, им есть что скрывать? – предположил его брат, поглядывая на Амалию, которая, судя по всему, его сильно занимала. – Признавайтесь, баронесса, почему вы не пошли к хироманту? Ведь женщины ужасно любопытны, я знаю! Или у вас есть свои тайны, которые вы не хотите открывать?

Но Амалия не успела ответить, потому что барон Корф подошел сзади к Владимиру и сдавил его плечо так сильно, что тот едва не закричал.

– Еще одно слово, – прошептал Корф, наклонившись к его уху, – и я вызову вас на дуэль. – Затем Александр мило улыбнулся адвокату и отошел, а Владимир Сергеевич, морщась, стал растирать плечо.

«Однако! – подумала ошеломленная Евдокия Сергеевна, от которой не укрылась ни единая подробность этой сцены. – Так он что, до сих пор неравнодушен к своей жене? Mais c’est epatant![15 - Это просто потрясающе! (франц.)]»

– Ты узнал то, что хотел? – спросила Амалия у Билли.

– Ага, – кивнул тот.

– Вот и прекрасно. Тогда посидим еще немного и уйдем. По правде говоря, вечер оказался немного… утомительным.

Анна Владимировна спросила, будет ли она пить кофе, но баронесса отказалась. Митенька, глядя на нее, отказался тоже, хоть и обожал напиток, зато Билли не стал церемониться и выпил целых две чашки, и доктор де Молине последовал его примеру. Юноша все искал, что бы такое сказать умное, но баронесса Корф, похоже, не была настроена беседовать на тему революций дальше. Поэтому он решил, что если барон еще раз приблизится к ним, то он, Митенька, вызовет его на дуэль, и будь что будет.

– Я надеюсь, маэстро, вам понравилось у нас, – несмело начала Анна Владимировна.

Беренделли поморщился и отставил в сторону чашку с кофе.

– О да, – подтвердил он. – Должен признаться, я узнал много интересного. Все вы – прекрасные, замечательные люди, и я счастлив, что в этот вечер судьба свела меня именно с вами. – Хиромант вздохнул и поправил перстень на пальце. Затем улыбнулся, и было странно видеть, как его белые зубы сверкают в черной бороде. – Тем не менее, дамы и господа, считаю своим долгом предупредить вас. Я много лет изучал свою науку, и я знаю, что есть знаки, которые могут трактоваться по-разному, в зависимости от расположения остальных знаков на ладони. Но сегодня я видел кое-что, и… Нет, я не могу, не могу ошибаться! – Он решительно сжал губы. – Дамы и господа, один человек из тех, кто находится в этой комнате – убийца, безжалостный и хладнокровный.

Адвокат открыл рот.

– Вы слышите? Сейчас среди нас находится убийца!

Евдокия Сергеевна тихо ахнула.

Итальянец обвел глазами бледные лица гостей, застывших на своих местах, словно пораженные громом. Первой очнулась графиня Толстая. Она хотела было бросить: «Что за шутки? Это просто возмутительно! Что за дурной тон?» – но не успела. Беренделли как-то сдавленно ахнул и, нелепо взмахнув рукой, повалился на ковер.

Глава 8

Слова и музыка

– Господа, господа, – как заведенный, твердил Павел Петрович, – у него обморок! Уверяю вас, обычный обморок, ничего страшного… Маэстро Беренделли переутомился, должно быть. Ничего страшного, дамы и господа!

Потерявшего сознание хироманта отнесли в малую гостиную, где он совсем недавно предсказывал судьбу гостям, и им сразу же занялся доктор де Молине. Через пару минут медик объявил, что никакой опасности нет, просто маэстро Беренделли стало дурно. И в самом деле, как только у Вареньки в сумочке нашлась нюхательная соль, хиромант сразу же пришел в себя. Но видимо, чувствовал себя он не совсем хорошо и то и дело стонал.

– Так ему и надо, башибузуку итальянскому! – сипел на диване в большой гостиной злопамятный Иван Андреевич. – Наговорил мне, понимаешь, ввел в расстройство…

– Что такое он тебе сказал? – забеспокоилась Евдокия Сергеевна.

Иван Андреевич только рукой махнул.

– Насчет службы? – тем не менее догадалась супруга. – Ваня, я права?

– Да, – прошептал Иван Андреевич и закрыл глаза.

– Да откуда же он узнал? Кто ему мог сказать? – недоумевала Евдокия Сергеевна. И тут ее осенило. – Конечно же, Анна Владимировна! Ну и хороша же, ничего не скажешь!

Между тем остальные гости обсуждали сенсационное заявление Беренделли, которое он сделал за несколько мгновений до обморока.

– Как вы думаете, это он всерьез? – с дрожью в голосе спрашивала Варенька.

– Да нет, просто вздор! – пробормотал адвокат, пожимая плечами. – Мистификация!

– Не думаю, – уронила госпожа Корф. – На мой взгляд, господин Беренделли не походит на человека, который станет утруждать себя чем-либо подобным.

– И вы всерьез поверили в то, что среди нас находится убийца? – высокомерно осведомилась графиня Толстая.

– Но здесь одни приличные люди! – поддержала ее Анна Владимировна.

Амалия улыбнулась.

– Поверьте мне, порой и очень приличные люди совершают такие поступки, на которые окружающие считают их неспособными, – ответила она.

– Вероятно, вы судите по себе? – Графиня Толстая ринулась в атаку с открытым забралом. Но ее удар не достиг своей цели.

– В том числе, – с загадочной улыбкой ответила баронесса Корф.

Вернулся Венедикт Людовикович, и Павел Петрович спросил у него, как здоровье больного.

– Ничего страшного, – ответил доктор. – Ему просто надо немного отдохнуть. Полагаю, он вскоре сможет присоединиться к нам.

Отчего-то на лицах окружающих при этих словах не возникло ничего, даже отдаленно похожего на восторг. Никита Преображенский встряхнулся:

– Боже мой, как все странно. Однако поразительный вечер сегодня, господа! Что ж, раз наш хиромант вышел из строя… – Он улыбнулся Вареньке, подошел к роялю и провел пальцами по клавишам. – У вас прекрасный инструмент, госпожа Верховская! Одно удовольствие играть на нем. Если позволите, я сыграю несколько вещиц из Верди. Но мне нужна певица…

– Я сегодня не в голосе, – сухо сказала графиня Толстая.

– Ах, какая досада! – Но даже намека на досаду не было в голосе композитора. – Может быть, вы, госпожа баронесса?

Амалия улыбнулась и покачала головой.

– Если позволите… – Варенька застенчиво улыбнулась. – Я люблю Верди, но знаю не все слова.

– Митенька! – тотчас пришла на помощь племяннице Анна Владимировна. – У нас есть ноты?

Митенька объявил, что ноты найдутся непременно, и побежал к себе. Варенька могла гордиться своей выдумкой. Она и в самом деле пела прекрасно и теперь имела отличный повод заткнуть за пояс неприятную особу, которая имела наглость стать первой женой ее будущего мужа.

– Мы еще не уезжаем? – деловито осведомился у баронессы Билли.

– Нет, – отозвалась Амалия, – еще рано. И потом, уйти сейчас было бы невежливо.

– А она будет петь? – задал Билли следующий вопрос, видя, как Варенька и композитор хлопочут возле рояля.

– Да.

– Значит, мы правильно не пошли в театр, – подытожил Билли.

Амалия поглядела на него и смогла удержаться от улыбки.

Митенька притащил ворох нот, композитор уселся за рояль.

– Вот эту арию я знаю очень хорошо, – говорила Варенька, водя пальчиком по страницам. – А эту почти не знаю.

– Как она мила! – прочувствованно сказала Анна Владимировна мужу.

Все расселись, и тонкие пальцы Никиты пробежали по клавишам. Варенька запела.

У нее был и впрямь прекрасный голос, а Преображенский, что бы о нем ни говорили досужие сплетники, играл превосходно. Доктор замер на месте: было видно, что он тронут и увлечен. Поначалу Амалия еще колебалась, выискивала в пении Вареньки какие-то изъяны, но потом ей стало совестно, и она стала просто слушать музыку.

Этажом ниже, в кухне, Дарья, только что поставившая самовар, подняла голову и тоже прислушалась.

– Ишь поют-то как чувствительно, – сказала она, качая головой.

Звуки сплетались в причудливые музыкальные кружева, скользили в воздухе, взывали, плакали, звенели радостью… Митенька застыл в кресле. Ему еще никогда не было так сладко, так мучительно хорошо. Но вот возле него, перебивая мелодию, что-то монотонно, назойливо зажужжало… Это билась о стекло большая, ленивая, тяжелая муха. Бедный Митенька чуть не расплакался. Все впечатление было испорчено… Юноша шикнул на муху, попытался отогнать ее – бесполезно, она по-прежнему липла и льнула к стеклу, за которым уже плыла бархатная петербургская ночь. Константин Сергеевич бросил на хозяйского сына суровый взгляд. Митенька сделал вид, что все в порядке, но проклятое насекомое ужасно досаждало ему. А между тем ария близилась к

завершению. Варенька умолкла… Мелодия еще какое-то время дрожала в воздухе – и исчезла, словно ее без остатка поглотили ковры, стены и потолок! Но всем присутствующим еще долго казалось, что она оставила здесь, в скучной комнате скучного дома, свой незримый божественный след.

Все разом задвигались и разом заговорили. Раздались аплодисменты, Варенька кланялась, смущенная, раскрасневшаяся от счастья. Она искала взгляд Александра, но последний отвернулся и глядел в сторону. Амалия заметила это и усмехнулась про себя. Ну конечно же, высокородный месье Корф считает, что лицедействовать, петь на сцене и вообще развлекать толпу имеют право только люди соответствующего звания, а им, аристократам, не положено. Бедная Варенька, что ее ждет после ужина! Что Корфы умеют устраивать сцены, всем известно, и ей, Амалии, в том числе. Но если другие вкладывают в такие сцены весь жар души, то они, наоборот, – все ледяное презрение. «Ах вот как, Амалия Константиновна, вы хотите, чтобы вашу мать тоже пригласили на бал? Вы меня поражаете, дорогая. Что? Вы собираетесь отправиться в Париж? А вам известно, что в свете могут подумать о вашей поездке? Ах, вы навещаете княжну Орлову, вашу давнюю знакомую. Неужели вам неизвестно, что барышня совершенно потеряла голову, увлекшись жалким борзописцем, да, да, господином Верещагиным, журналистом, и приличным людям нечего делать в ее обществе?»[16 - Подробнее о взаимоотношениях Амалии и Александра Корф читайте в романе Валерии Вербининой «Отравленная маска», издательство «Эксмо».] Ну и так далее.

«Глупец, истукан! – сердито подумала Амалия. – Подойди же к ней, скажи девушке, как тебе нравится ее пение! Ведь ясно же, что она старалась не ради болвана-адвоката или его братца, а ради тебя!»

Митенька наконец ухитрился казнить муху каким-то журналом, но произвел такой шум, что Александр мрачно оглянулся на него. «Вызову на дуэль», – обреченно помыслил Митенька, но противный офицер ничего не сказал и только отвернулся.

Словно нарочно, Варенька выбрала именно ту арию, которую Александр Корф когда-то слышал в обществе Амалии, вскоре после их свадьбы. Он помнил даже цвет занавеса в том театре, помнил, как выглядел тамошний дирижер. А вот Амалия, кажется, все забыла, как видно по ее рассеянному лицу. И это почему-то резануло по сердцу барона больнее всего, как будто вместе с воспоминанием о той опере она вычеркнула из своей жизни и его самого, его присутствие,

которое (он совершенно точно знал!) одно лишь и имело когда-то значение для нее.

– Может быть, попробуем еще? – спросил Никита у Вареньки.

Девушка стала отнекиваться, но Анна Владимировна принялась уговаривать племянницу, и к голосу хозяйки присоединились почти все гости. Пришлось Вареньке спеть еще четыре арии, но под конец она устала и начала немного сбиваться.

– Простите, – сказала она, разводя руками. – Я… кажется, я больше не могу.

Никита поднялся и очень галантно поцеловал ей руку.

– Вы были великолепны! – искренне воскликнул Преображенский. – И для меня было честью аккомпанировать вам сегодня!

Как будто для того, чтобы окончательно изгнать еще царящий в комнате дух музыки, заскрипели кресла, кто-то закашлялся. Мужчины громко заговорили, женщины шуршали платьями и перебрасывались замечаниями. Де Молине взглянул на часы и, пробормотав: «Кажется, мне решительно пора», – поспешил вниз. Павел Петрович улыбнулся жене. Вечер явно удался, и у него были все причины быть собой довольным.

Амалия подошла к Верховским, чтобы попрощаться. Билли следовал за ней кроткой тенью, не переставая одним глазом следить за опасным бароном Корфом, который все еще маячил поблизости.

– Благодарю вас за доставленное удовольствие, – пожала Амалия вялую руку Анны Владимировны. – А где маэстро Беренделли? Мой кузен хотел бы поблагодарить его за предсказания, которые он сделал.

– Черта с два! – прошипел Билли за ее спиной. – Он мне такого наговорил…

– Билли, – тихо и выразительно проговорила Амалия, – не надо быть невежливым. Если ты хочешь знать свое будущее, то должен быть готов к тому, что кое-что в нем может тебе не понравиться. Разве не так?

«И почему она всегда права?» – с тоской подумал Билли.

– В самом деле, – смущенно вставил Митенька. – Маэстро так и не присоединился к нам.

Павел Петрович и Анна Владимировна переглянулись.

– Надеюсь, с ним все в порядке, – сказал Павел Петрович. – Сейчас, баронесса, я провожу вас, только гляну, как там синьор Беренделли.

Билли взял Амалию под руку, и они двинулись вслед за хозяином дома к малой гостиной. Митенька, который понял, что Амалия уходит и увидит он теперь ее неизвестно когда, увязался за ними. Юноша искал, что бы такое сказать умное, чтобы произвести подобающее впечатление, но ему ничего не приходило в голову.

Через минуту гости Верховских услышали сдавленный крик, а еще через мгновение Павел Петрович, как ошпаренный, вылетел из малой гостиной и помчался вниз по лестнице, крича на ходу:

– Венедикт Людовикович, вы еще не ушли?

Он догнал доктора уже у парадной двери и ухватил его за рукав.

– Боже мой, вы должны пойти туда! Вы должны помочь им!

– Кому? – остолбенел пораженный де Молине.

– Моему сыну, – простонал бедный Павел Петрович, – и… и… – Он пытался выговорить, но не смог. – Пожалуйста! Вы не можете мне отказать!

– Да что случилось, черт подери? – разозлился доктор.

Павел Петрович оглянулся, и паника заплескалась в его взоре. Наконец он выдохнул:

– Беренделли: хиромант… Кажется, он убит.

Глава 9

Убийство

– Что происходит? – недовольно спросила графиня Толстая у барона Корфа.

По лестницам сновали люди, звенели чьи-то сердитые и изумленные голоса. В дверь сунулась Глаша с искаженным от страха лицом. Анна Владимировна подозвала ее к себе, выслушала сбивчивый доклад и, тихо ахнув, поспешила к выходу.

– Поразительный дом, – пробормотала прекрасная Элен, поводя своими ослепительными плечами.

– Александр, мы уже уходим? – подала голос Варенька.

Но барон оставил ее вопрос без внимания. Его интересовало, куда запропастилась Амалия? Не слушая больше, что говорит невеста, Александр стремительным шагом вышел из гостиной и в коридоре столкнулся с одной из служанок.

– Что такое? В чем дело? – металлическим, хорошо поставленным офицерским голосом рявкнул он.

– Ой, не знаю, барин! – взвигнула та, но глаза у нее были круглые от страха.

Оттолкнув девушку, Александр бросился в малую гостиную, куда стекался народ.

Войдя в комнату, он сразу же увидел на ковре завалившегося в обмороке лохматого недоросля. Очки все-таки сумели покинуть переносицу Митеньки и лежали на ковре рядом. Амалия наклонилась и подобрала их. Возле потерявшего

сознание юноши суетились мать и доктор. Павел Петрович с отчаянным видом стоял возле дивана и ломал руки.

Александр подошел ближе. Разумеется, весь тарарам возник вовсе не из-за непутевого юноши, так некстати потерявшего сознание, – истинной причиной являлся распростертый на диване Беренделли. Глаза маэстро были широко раскрыты, из уголков рта стекали слюна и кровь. Из груди маэстро торчал кинжал с фигурной рукоятью – возможно, один из тех, что украшали стены комнаты. Александр быстро оглядел их и натренированным взглядом сразу же отметил пустые ножны в простенке между окнами. Американский кузен Амалии, стоя напротив, тоже рассматривал их.

– Прошу ничего здесь не трогать, – повернулась Амалия к Павлу Петровичу.

Тот, судя по всему, даже не понял, о чем его просили, но все равно механически кивнул головой.

Александр покосился на невозмутимого Билли, заложил руки за спину и подошел к бывшей жене. Митенька на полу тихо застонал – мать поднесла к его носу нюхательную соль.

– Убийство? – спокойно спросил Александр.

Амалия пожала плечами.

– Как видите.

– Ясно. – Александр дернул щекой. – И кто же это сделал?

Баронесса Корф усмехнулась.

– Тот, кто вошел сюда между уходом доктора де Молине, который оставил больного отдыхать на диване, и нашим появлением, – сказала она.

Барон Корф метнул на нее быстрый взгляд.

– Ценные вещи на месте?

– Бумажник и кольцо? Да. Их никто не трогал.

Александр вздохнул.

На полу Митенька слабо застонал и приоткрыл глаза. По щекам его матери текли слезы. Она вполголоса стала уговаривать сына подняться. Павел Петрович поспешил к ним, но тут Митенька некстати вновь увидел труп и снова обмяк на ковре.

– Вы думаете о том же, о чем и я? – спросил барон.

Амалия с любопытством взглянула на него и осведомилась:

– И о чем же я думаю, по-вашему?

Ее бывший муж пожал плечами.

– Вы считаете, здесь действовал тот убийца, о котором нас предупреждал маэстро Беренделли. Верно?

Доктор де Молине, который снова пытался привести Митю в чувство, поднялся, покачал головой и предложил:

– Лучше перенести его в спальню. Для молодого человека вид мертвого тела слишком сильное потрясение.

Павел Петрович кликнул лакеев, и Митеньку унесли. Анна Владимировна поспешила за ними, и в малой гостиной остались только Амалия, Билли и барон Корф.

– Гости разъезжаются, – проговорил Александр.

Амалия быстро взглянула на него:

– Задержите их.

Тон ее слов отчего-то рассердил барона.

– И как, позвольте спросить, я смогу это сделать? – упрямо выставив вперед подбородок, спросил он. – В отличие от некоторых ваших знакомых, я не следователь и не полицейский!

Билли у окна беспокойно шевельнулся.

– Александр, – терпеливо ответила Амалия, – мне совершенно все равно, как вы это сделаете. Я лишь хочу, чтобы ни один человек не покинул дома. Вам ясно?

Досадуя на себя, барон вышел из гостиной. За дверями его ждала Варенька.

– Боже мой! Александр, то, что говорят, правда?

– Да, – буркнул он.

– Ужасно!

Барон Корф только пожал плечами. Что именно ужасно? Он бывал на войне, дрался на дуэлях и видел раненых, мертвых. Да и вообще, смерть подстерегает человека где угодно – на улице, дома, в гостях, в имении предков, в поездке, на чужбине… Неуместная чувствительность Вареньки сейчас отчего-то раздражала его, тем более что по контрасту с хладнокровием Амалии чувствительность ее выглядела совершенно смехотворной.

– Кто-нибудь уже ушел? – спросил он.

Варенька со страхом покосилась на него.

– Кажется, нет еще, – сказала она. – Все растеряны, не понимают, что случилось. – Она закусила губу. – И я тоже… Александр, что все-таки произошло?

– Хотел бы я знать, – с расстановкой ответил он. – Но, надеюсь, Амалия Константиновна нам разъяснит.

«При чем тут она?» – мелькнуло в голове у Вареньки, но она посмотрела в лицо жениху, и вопрос замер на кончике ее языка, да так и не рискнул сорваться с него. Но ревность и обида укололи ее в самое сердце, девушка надулась.

А в малой гостиной, где только что произошло убийство, Амалия разговаривала с Билли.

– Когда убийца вошел, – говорила Амалия, – Беренделли, должно быть, дремал, потому что я не вижу никаких следов сопротивления. Убийца взял первый попавшийся кинжал и вонзил его в грудь хироманта. Почувствовав боль, тот открыл глаза, но не смог ничего сделать, потому что смерть наступила очень быстро. Судя по всему, удар пришелся точно в сердце.

Билли недовольно сморщил нос.

– А почему он не взял нормальное оружие? – пробурчал он, оглядывая ружья и пистолеты на стенах. – Что за гадость – подкрадываться к человеку и резать его исподтишка!

Судя по его тону, если бы безоружного Беренделли застрелили, то это свидетельствовало бы о более высокой сознательности убийцы. Но Амалия не стала спорить со своим другом, а лишь напомнила:

– А шум? Ты забываешь про грохот выстрела. Убийца же, как я понимаю, очень хотел остаться незамеченным.

– Верно, – вздохнул Билли. – Значит, он один из гостей?

– Наверняка.

– Адвокат?

– Почему именно адвокат?

– Все адвокаты – сволочи, – ответил Билли с горечью.

– Билли, – предостерегающе шепнула Амалия, – не надо. Лучше постарайся вспомнить, где находились гости примерно в то время, когда… когда мадемуазель Мезенцева пела. Мне надо знать, кто входил, кто выходил, когда и так далее. Сама я кое-что помню, но, боюсь, далеко не все. – И она, словно извиняясь, посмотрела на мертвого Беренделли.

– Адвокат не выходил, – мрачно сказал Билли. – Значит, не он?

– Не он, – согласилась Амалия. – Думай дальше.

Она растворила дверь и попросила Глашу пригласить доктора де Молине.

– Как самочувствие юноши? – были ее первые слова, как только доктор переступил порог.

– Он пришел в себя, но мне пришлось дать ему успокоительное, – довольно сухо ответил Венедикт Людовикович, затем пожал плечами. – Странный юноша. В комнате у него сплошь книжки об истории революций, а он падает в обморок при виде крови. Неужели молодой человек думает, что революция – развлечение?

– Доктор, – серьезно заговорила Амалия, – нам понадобится ваша помощь.

Де Молине вздохнул.

– Был бы рад сказать, что всегда счастлив услужить вам, но в данных обстоятельствах… – он поморщился. – Что именно вы хотите знать?

– В данных обстоятельствах могли бы и сами догадаться, – отозвалась Амалия. – Вы последним видели Беренделли в живых, не считая убийцы. Уходя от него, вы видели кого-нибудь поблизости?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Comme il faut (франц.) – здесь: приличные люди, полностью соответствующие требованиям общества.

2

Н.П. Ланин был редактором «Русского курьера». Помимо того, он владел заводом, который производил фруктовые воды, а также недорогое шампанское.

3

В 80-е годы XIX века это вино считалось эталоном, но – эталоном крайне низкого качества.

4

Сиреневый (франц.).

5

Званый вечер (франц.).

6

Роковая женщина (франц.).

7

Тайный советник – чин 3-го класса, соответствовал генерал-лейтенанту в армии; статский советник – чин 5-го класса.

8

Это наш сын Дмитрий, он счастлив видеть вас (франц.).

9

Ах, синьора, благодарю вас! Сударь! Сударыня, какая красавица! (франц., итал.)

10

Дорогая (франц.).

11

Какой скандал! (франц.)

12

Офицер (франц.).

13

Александр, это невежливо (франц.).

14

Женщина, свободная от предрассудков.

15

Это просто потрясающе! (франц.)

Подробнее о взаимоотношениях Амалии и Александра Корф читайте в романе Валерии Вербининой «Отравленная маска», издательство «Эксмо».

Купить: https://tellnovel.com/verbinina_valeriya/zvanyy-uzhin-v-angliyskom-stile

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити